

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Антух Геннадий Геннадьевич

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЗМА: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ЛОГИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ ЛОГИЧЕСКОГО
РЕДУКЦИОНИЗМА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНДУКТИВИЗМА

09.00.01 – Онтология и теория познания

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, доцент
Ладов Всеволод Адольфович

Томск – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Историко-философские предпосылки «спора о психологизме»	12
1.1 Метафизика в философских оптиках первого позитивизма.....	12
1.2 Эмпирическая психология как теория и как метод познания	28
1.3 Философия между логикой и психологией	44
Глава 2 Проблема психологизма в философии логики	55
2.1 Логический психологизм: основные положения и версии	55
2.2 Критика логического психологизма у Г. Фреге и Э. Гуссерля	66
2.3 Двойкие следствия из критики психологизма.....	77
Глава 3 Методологические решения проблематических аспектов	87
3.1 От логико-теоретических положений к логико-методологическим принципам.....	87
3.2 От понятий и высказываний логики к понятиям и высказываниям психологии	98
Заключение	110
Список литературы	113

Введение

Актуальность темы исследования. Спор о психологизме, развернувшийся на рубеже XIX-XX вв. в немецкой логико-философской литературе, позволил достаточно точно сформулировать проблему, отсылающую, с одной стороны, к ряду фундаментальных вопросов философского и социогуманитарного знания, с другой – к конкретным прикладным задачам. В несколько упрощенном виде проблема психологизма в философии логики может быть сведена к следующему вопросу: существует ли необходимая связь между идеально-логическим содержанием мышления и реально-психологическими условиями познания? На фундаментальном уровне поиск ответа на данный вопрос требует глубокого теоретического анализа традиционных для философского дискурса тем, где обоснованность вопроса о соотношении принципов логики и реальных процессов мышления утверждается в ключе уже привычных исследовательских оппозиций: реального и идеального, объективного и субъективного, рационального и эмпирического, дескриптивного и нормативного. Вместе с тем проблема психологизма пресуппозиционально обнаруживает себя в самых разных дискуссиях современной философии. Указывается, что наиболее отчетливо данная проблема присутствует в:

- фреговской концепции логицизма;
- феноменологии Э. Гуссерля;
- некоторых принципах семантики и семиотики;
- программе неопозитивизма;
- в учениях «раннего» и «позднего» Л. Витгенштейна;
- методологии К. Поппера;
- соссоровской лингвистической концепции;
- натуралистической эпистемологии В. Куайна;
- теория интеллекта Ж. Пиаже;
- в менталистских концепциях сознания;

- психологии и философии мышления и речи и в др.¹

Спектр вопросов, так или иначе связанных с проблемой психологизма, охватывает самые разные области познания. Психологизм критикуется и разбирается не только в эпистемологии и логике, но и в биологии, антропологии, медицине, психологии, социологии, культурологии, лингвистике, этике и эстетике, в философии права и т.д. Прояснение вопроса о соотношении логики и мышления имеет особое значение для нейро- и когнитивных наук. Отмечается, что оживление интереса к проблеме психологизма в 80-х годах XX века как раз и происходит под влиянием новых задач в приложении логики, связанных с моделированием процессов мышления в области исследований искусственного интеллекта и когнитивных наук в целом.² Тенденция к пересмотру дискуссии о психологизме контекстуально обнаруживает себя в более широком проблематическом поле философии натурализма и ее критики.

В опоре на традиционные проблемы и принципиальную важность для историко-философского и научно-дисциплинарного контекста спор о психологизме стал частью тематического единства, определившего направление современной философской мысли и современного философского словаря. Все это свидетельствует о непосредственной актуальности настоящего диссертационного исследования, целью которого является исследование вопроса о соотношении объективных идеально-логических аспектов мышления и субъективных реально-психологических условий познания.

Степень разработанности проблемы. Проблема психологизма имеет глубокие исторические корни, берущие свое начало в античной философии. Важной предпосылкой к осознанию проблемы соотношения логики и мышления становится противостояние эмпиризма и рационализма в новоевропейской философии, где главным образом свои позиции отстаивали Р. Декарт, Г. Лейбниц, Дж. Локк,

---

¹ Сорина Г. В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2013. – Т. 3, № 2. – С. 1–109.

² Брюшинкин В.Н. Психологизм на пороге XXI века // Логическое кантоведение-4: Труды международного семинара / Калинингр. ун-т. Калининград, 1998. С. 84–99.

Д. Юм. Практически в завершённом виде проблема психологизма ставится в «Критике чистого разума» И. Канта.

Первые концептуальные модели психологизма предлагаются неокантианцами Я. Фризом³ и Ф. Бенеке⁴. На фундаментальном уровне научной рефлексии идеи психологизма закладываются в позитивизме О. Конта⁵, Дж. Ст. Милля⁶ и Г. Спенсера⁷. Особое место в дискуссии о психологизме занимают проекты феноменологической и описательной психологии Ф. Brentano⁸, В. Дильтея⁹, К. Штумпфа, Т. Липпса, Э. Гуссерля¹⁰, А. Мейнонга, Г. Шпета и т.д. Отдельно стоит назвать представителей экспериментальной психологии, которые внесли вклад в институциональное учреждение современной психологии. К числу таких исследователей относятся Г. Фехнер, Э. Вебер, Г. Гельмгольц, И. М. Сеченов, Г. Эббингауз, В. Вундт и др.

Идеи логического психологизма вслед за Дж. Ст. Миллем непосредственно развивали Б. Эрдманн и Х. Зигварт¹¹. Первая последовательная критика идей логического психологизма предпринимается Г. Фреге¹². Проблему психологизма в разных аспектах обсуждали и предлагали свои решения: И. Герbart, Р. Лотце, Ф. Ланге, А. Пуанкаре, П. Наторп, Г. Риккерт, К. Твардовский, С. Франк, Э. Мах, Р. Авенариус и др.

В русле неопозитивизма идеи психологизма критиковались Дж. Муром, Б. Расселом, Л. Витгенштейном, в постпозитивизме К. Поппером.

³ Fries J. F. *Neue Kritik der Vernunft*. Bd. 1. – Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1807.

⁴ Beneke F. E. *Erfahrungsseelenlehre als Grundlage alles Wissens*. Berlin, 1820.

⁵ Конт О. *Курс положительной философии*. СПб., 1899.

⁶ Милль Дж. Ст. *Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования*. Пер. с англ. / Предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2011.

⁷ Спенсер Г. *Синтетическая философия (в сокращённом изложении Г. Коллинза)*. – К.: Ника-Центр, 1997.

⁸ Brentano F. *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. O. Kraus (ed.) – Hamburg: F. Mainer, 1924.

⁹ Dilthey W. *Einleitung in die Geisteswissenschaften*. Bd. 1. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1883.

¹⁰ Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. – М.: Академический проект, 2009.

¹¹ Зигварт Х. *Логика*. Т. 1. *Учение о суждении, понятии и выводе*. / Пер. с нем. И.А. Давыдова. – М.: Территория будущего, 2008.

¹² Frege F. *Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl*. Breslau: W. Koebner, 1884.

В современной философии проблема психологизма обсуждается в ключе критики или защиты менталистских установок в психологии и философии сознания и мышления, в аналитической философии и философии языка, в социологии, социальной философии, философии права и т.д. К кругу таких исследователей принадлежат: Дж. Уотсон, Ж. Пиаже, Б. Скиннер, Л. С. Выготский, А. Лурия, Г. Бейтсон, П. К. Анохин, Н. Хомский, А. Тарский, У. Куайн, Г. Райл, П. Стронсон, Я. Лукасевич, С. Крипке, Г. П. Щедровицкий, В. А. Лекторский, Э. Г. Юдин, А. Н. Леонтьев, Д. Дэвидсон, М. Даммит, Х. Патнэм, Р. Карнап, Г. Бейкер, Н. Гудмен, П. Хакер, Д. Остин, П. Грайс, Дж. Сёрл, Д. Даннет, Р. Рорти, В. М. Аллахвердов, А. Ф. Грязнов, В. А. Суровцев, В. А. Ладов и др.

Непосредственное исследование спора о психологизме как с позиции историко-философской реконструкции, так и с точки зрения перспективной разработки проводили: М. Рат, О. Марквард, Д. Годден, Р. Хаана, Дж. Скорупски, С. Хаак, Д. Ричардс, Дж. Н. Моханти, П. Энгель, П. Китчер, Н. Блок, В. А. Куренной и др. Наибольшую цитируемость в зарубежной философской литературе в связи с разработкой проблемы психологизма имеют работы М. Куша. В отечественной логико-философской литературе большое значение для выбранной темы имеют работы В. Н. Брюшкина, Г. В. Сориной.

Стоит отметить, что в современной философской литературе имеется существенный недостаток работ критического характера, направленных на пересмотр основных посылок проблемы психологизма в логике, без которого нельзя с уверенностью полагаться на уже имеющиеся результаты исследований в данной области.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является поиск возможных перспектив разрешения проблемы психологизма в философии логики.

Для достижения поставленной цели исследования были определены следующие задачи:

1) реконструкция ключевых моментов в споре о психологизме, начиная с историко-философских аспектов становления доктрины психологизма, заканчивая проблемой психологизма в логике;

2) раскрытие специфики логического психологизма и логического антипсихологизма в тезисах онтологии и эпистемологии;

3) критическое сопоставление тезисов психологизма и антипсихологизма в их традиционной формулировке для определения проблематических аспектов в вопросе о соотношении идеально-логических и реально-психологических предпосылок познания;

4) пересмотр проблематических аспектов в ключе возможных перспектив их преодоления.

Объектом настоящего исследования является спор о психологизме в логике как научно-аргументативное противостояние идей логического редукционизма (антипсихологизм) и психологического индуктивизма (психологизм).

Предметом исследования выступают проблематические аспекты соотношения идеально-логических и реально-психологических условий познания в дискуссии психологизма и антипсихологизма.

Методы исследования. Методы, использованные в диссертации, полностью определяются целью и задачами исследования. Критико-аналитический характер настоящего исследования потребовал использования и частичного комбинирования 1) логико-методологического анализа, опирающегося на общенаучную методологию теоретического познания, и 2) историко-философского анализа, представляющего ретроспективный обзор и реконструкцию конкретных эпизодов в истории философии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проблема психологизма в философии логики есть исторически сложившаяся проблема приоритетного способа обоснования логико-теоретического знания, где психологизм утверждается в ключе натуралистической исследовательской модели и устанавливает индуктивную связь между фактами мышления и за-

конами логики, что определяет скепτικο-релятивистский характер психологистской трактовки логики, положения которой входят в противоречие с условиями возможности всякой теории вообще.

2. В случае принятия тезисов логического антипсихологизма вопрос о соотношении логики и мышления, в силу радикального противопоставления реального и идеального в познании, разрешается либо в пользу противопоставления законов логики и законов мышления, либо в пользу парадоксального методологического допущения, заключающего процедуру подтверждения логико-теоретического знания бесконечным регрессом самообоснования.

3. Из-за взаимной некомплементарности подходов в оппозиции «психологизм-антипсихологизм» вопрос о соотношении логики и мышления не решается в рамках традиционной формулировки проблемы психологизма и требует пересмотра уже в ключе методологического синтеза логико-психологических и логико-теоретических аспектов познания.

4. Видимое решение проблемы психологизма в философии логики, позволяющее преодолеть релятивизм психологистских концепций и исключить парадоксальные следствия платонического идеализма антипсихологистской трактовки логики, заключается в принятии синтетической модели логики, опирающейся на предположении о первичности правилосообразной реальности логического правоприменения.

Новизна исследования. Проведен систематический анализ историко-философских предпосылок проблемы психологизма в философии логики, позволивший восполнить недостаток сведений, имеющий место в современной отечественной истории философии относительно разных концептуальных версий психологизма.

Выяснилось, что проблема соотношения логико-теоретических и логико-психологических аспектов познания в дискуссии логического редукционизма и психологического индуктивизма не может быть положительно разрешена в пользу той или другой позиции.

Обосновано, что индуктивная законосообразность фактов мышления с принципами логики, утверждаемая психологизмом, устанавливает иррациональную (противоречивую) связь логики с мышлением. В свою очередь логико-редукционистский подход антипсихологистской трактовки логики предлагает парадоксальную связь идеально-логического содержания мышления с реально-психологическими условиями познания, что приводит к понятным затруднениям, препятствующим возможности эпистемологического анализа логики и мышления в ключе единых онтологических оснований.

Таким образом, делается вывод, что единственной возможностью установления непротиворечивой и внепарадоксальной связи логики с мышлением может стать отказ от традиционной формулировки проблемы психологизма и сведение вопроса о соотношении логики и мышления к вопросу об эпистемологических основаниях логико-методологических принципов.

Впервые проблема соотношения логики и мышления в дискуссии психологизма и антипсихологизма рассматривается в ключе синтетического единства теоретических и методологических аспектов логического правилоприменения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут служить в качестве теоретической основы для исследований фундаментальных вопросов эпистемологии и философии логики, философии и методологии науки, философии и психологии сознания и мышления, и когнитивных наук.

Результаты исследования могут использоваться при составлении общих и специальных курсов по философии, гносеологии, психологии и логике.

Степень достоверности полученных результатов. Достоверность полученных результатов определяется 1) исследовательской стратегией, предполагающей объективный и всесторонний обзор исследуемой проблемы с опорой на общепринятые источники, и 2) критико-аналитическим подходом к решению поставленных задач.

Литература, используемая для определения проблематического поля и формулирования центральных тезисов исследования, представляет собой классические работы по онтологии и теории познания, истории философии, философии и методологии науки, логике, психологии и проч. Основными источниками для выбранной темы стали фундаментальные работы по философии логики, эпистемологии и методологии научного познания. Критико-аналитическая часть исследования потребовала обращения к работам по психологии мышления и речи, сравнительной психологии и антропологии.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на кафедре онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск, 2016-2017 гг.).

Часть результатов исследования была представлена на I Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки» 15 марта 2016 года в г. Екатеринбурге.

Материалы диссертационного исследования использовались для составления курсов семинарских занятий для студентов Сибирского государственного медицинского университета по дисциплинам «Философия» и «Методология научного познания».

Публикации по теме диссертации:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Антух Г. Г.** К вопросу о психологизме: проблема логического правоприменения / Г. Г. Антух // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 4 (32). – С. 151–158. – 0,5 п.л.

2. **Антух Г. Г.** Происхождение противоречий в суждениях и высказываниях / Г. Г. Антух // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 2 (34). – С. 137–146. – 0,6 п.л.

3. **Антух Г. Г.** Философия очевидности в чистой логике Э. Гуссерля / Г. Г. Антух // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.– 2016. – № 4 (36). – С. 217–224. – 0,5 п.л.

Статья в сборнике материалов конференции:

4. **Антух Г. Г.** Психологизм в преддверии Гуссерля / Г. Г. Антух // Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки : сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 15 марта 2016 г. – Пермь, 2016. – С. 102–107. – 0,5 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключение и списка литературы, насчитывающего 105 позиций. Общий объем диссертации – 120 стр.

Глава 1 Историко-философские предпосылки «спора о психологизме»

Настоящая глава посвящена анализу историко-философских предпосылок спора о психологизме в философии XIX века. В качестве центральной проблемы ставится вопрос об истоках доктрины психологизма, вариантах ее трактовки и задачах, которые, как предполагается, перед ней ставились. Для прояснения этого вопроса потребуется:

- 1) обобщить все имеющиеся сведения относительно центральных эпизодов, непосредственно предпосылающих к проблеме психологизма,
- 2) провести анализ разных психологистских концепций с тем, чтобы дать максимально общую дефиницию доктрине психологизма в философии и
- 3) сделать соответствующие выводы, которые позволили бы наиболее точно определить стратегию дальнейшего исследования.

1.1 Метафизика в философских оптиках первого позитивизма

В общих чертах, психологизм – это философская доктрина, предполагающая эмпирико-натуралистический подход к изучению вопросов метафизики и эпистемологии.¹³ Психологизм стал одной из самых влиятельных, но в тоже время и одной из самых неудачных¹⁴ постметафизических исследовательских программ академической философии, зародившихся в XIX веке в Германии. Существует мнение, что возникновение психологизма в философии стало ответом на кризис немецкой спекулятивно-идеалистической философии, который достиг своего пика после смерти Гегеля в 1831 году (а затем и Шеллинга в 1854). Именно с этого момента в философии XIX века начинается период радикальных преобразований, и именно в это время в условиях острых философских дискуссий происходит ста-

---

¹³ Francis, J. P., Elio R., P. Hanson P. Is Logic all in our Heads? From Naturalism to Psychologism // *Studia Logica*. – 2008. – 86 – P. 1–65.

¹⁴ Имеется в виду, что утратив свое влияние среди университетских философов, программа психологизма к концу XIX века, в известной степени была свернута. См.: Куренной В. А. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // *Логос*. № 5. 2010. С. 166-182.

новление доктрины психологизма. Своей кульминации спор о психологизме достигает в попытке ряда исследователей обосновать логику посредством методов эмпирической психологии.

Итак, к середине XIX века закончилась непосредственная история немецкой классической философии. По мере реформации научного знания и последовательной институализации научных дисциплин, прежде принадлежащих области философских изысканий, доминирующее положение философии в пространстве научно-интеллектуального дискурса постепенно утрачивалось. Особенно это сказалось на той части философской проблематики, которая традиционно относилась к наиболее общей фундаментальной части философских исследований – эпистемологии и метафизики.¹⁵ До известной степени сохранив свое влияние в дискуссиях по вопросам этики, морали и религии, где философия по-прежнему была разделена на сторонников конкурирующих концепций (примером того может быть противостояние «правых» и «левых» гегельянцев, этические штудии фрайбургской школы неокантианцев и пр.), академическая философия сдавала свои позиции, уступая место доказательной/экспериментальной науке. По мнению Б. Рассела¹⁶, глубокий протест против традиционных ценностно-смысловых ориентиров и критериев рациональности имел в западной культуре девятнадцатого столетия две различные формы, которые отразились на способе философствования. Одна из таких форм, со слов Рассела, утвердилась в романтическом протесте, ярко выраженном в философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Другой формой протестной философии стала диалектико-материалистическая традиция, берущая начало в трудах Л. Фейербаха, К. Маркса и Ф. Энгельса. Наиболее же существенные перемены претерпевали направления философских интенций, касающиеся вопросов логики и теории познания, рассмотрение которых стало представляться наиболее перспективным через философские оптики натурализма.

---

¹⁵ Kusch M. *Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*. London / New York: Routledge, 1995.

¹⁶ Рассел Б. *История западной философии*. – М.: Миф, 1993.

Пришедший на смену классической философии протест иррационалистов и материалистов показал, что спекулятивный характер прежней философии мало пригоден для решения действительных исследовательских задач. Кризис самоидентификации привел к тому, что среди актуальных вопросов философии XIX века центральное положение занимает вопрос о месте и роли философии в структуре научного знания. Практически каждый влиятельный исследователь того периода имел собственные взгляды на данную проблему. Проекты собственных философских концепций предлагали: Я. Фриз¹⁷, И. Ф. Гербарт¹⁸, Ф. Бенеке¹⁹, О. Конт²⁰, Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер, Ф. Ланге²¹, Ф. Brentano²², Р. Авенариус²³, В. Виндельбанд, В. Вундт²⁴, Э. Гуссерль, В. Дильтей²⁵, Х. Зигварт²⁶, Р. Лотце²⁷, Т. Липпс²⁸, Э. Мах²⁹, А. Трендельбург, и др.

Одним из направлений, взявшихся разрешить проблему демаркации научного и ненаучного знания и в частности определить специфику философского знания, становится позитивизм. Фундамент позитивизма или как его иногда называют *первый позитивизм*, состоял из разных, но в тоже время объединенных общей целью концепций. Главной задачей позитивизма была борьба с метафизическим толкованием закономерностей, исследуемых философией и наукой. Известными философами такого толка были О. Конт, Дж. Ст. Милль и Г. Спенсер.

Родоначальником позитивизма считается французский мыслитель О. Конт (1798 – 1857), методично развивавший идеи своего учителя А.–К. Сен-Симона. В

¹⁷ Fries J.F. Neue Kritik der Vernunft. Bd. 1. – Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1807.

¹⁸ Herbart J. F. Psychologie als Wissenschaft: neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. Königsberg, 1824.

¹⁹ Beneke F. E. Erfahrungsseelenlehre als Grundlage alles Wissens. Berlin, 1820.

²⁰ Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1899.

²¹ Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. – Iserlohn: K. Baedeker, 1866.

²² Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. O. Kraus (ed.) – Hamburg: F. Mainer, 1924.

²³ Avenarius R. Kritik der reinen Erfahrung. Bd. I–II. Leipzig, 1888/1890.

²⁴ Wundt W. System der Philosophie. – Leipzig. Engelmann, 1889.

²⁵ Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Bd. 1. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1883.

²⁶ Зигварт Х. Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе / Пер. с нем. И.А. Давыдова. – М.: Территория будущего, 2008.

²⁷ Lotze H. Grundzüge der Metaphysik. Diktate aus den Vorlesungen. 2. Aufl. Leipzig, 1887.

²⁸ Липпс Т. Основы логики. Пер. с нем.: Н. О. Лосский. – СПб., 1902.

²⁹ Мах Э. Познание и заблуждение. – М.: Изд-во С. Скирмунта, 1909.

своих исследованиях Конт защищал тезис о ценности позитивного знания и необходимости исключения метафизики из науки и философии. Идеологическое ядро позитивизма складывалось из защищаемой Контом системы принципов, утверждающей приоритет эмпирико-прагматического знания перед спекулятивным. Пять основных позиций, постулируемых первым позитивизмом, устанавливают следующие приоритеты:

- реального перед химерическим;
- полезного перед бесполезным;
- достоверного перед сомнительным;
- точного перед неопределенным;
- положительного перед отрицательным.

В совокупности данных приоритетов Конт видел базис регулятивов, служащих основой для научного метода, а всякое знание, которое существует вне системы данных принципов, нельзя считать позитивным, т.е. научным.

Идеал науки как строгой и достоверной формы познания находит свое воплощение в предложенной Контом концепции культурно-исторического развития, согласно которой эволюция объяснительных моделей познания преодолевает три этапа: теологический, метафизический и научный. Для теологического этапа развития познания характерно мистическое объяснение наблюдаемых явлений, причины которых приписываются действию сверхчеловеческих сил. На метафизическом этапе действие этих сил заменяется сущностными закономерностями, первопричинами или идеями, например: платонические эйдосы, монады Лейбница, «вещь в себе» Канта, «абсолютный дух» Гегеля и т.д. Научный же этап, по Конту, стремится заместить метафизические сущности точными законами. Главной характеристикой закона, с точки зрения позитивизма, является признак повторяемости явлений в опыте, факты которого устанавливаются с помощью наблюдения и/или эксперимента. Именно на научном этапе, по мнению французского мыслителя, философия должна трансформироваться из метафизической в позитивную.

Важно понимать, что в духе позитивизма науке приписывалась роль автономной единицы культуры, а ее взаимодействие с другими областями рассматривалось в ключе одностороннего влияния науки на прочие сферы познания. Такое положение вещей предопределило развитие позитивной философии, роль которой исключала возможность предлагать решающие аргументы в научных дискуссиях. Основанная задача позитивной философии, согласно Конту, состояла в обобщении и классификации результатов конкретно-научных исследований с тем, чтобы создать точную и непротиворечивую философско-методологическую модель научного знания, которая позволила бы выявлять закономерности генезиса и развития науки.³⁰ Философии в этом случае отводилась роль не содержательной исследовательской области, но формально-организационной дисциплины. Однако поставив задачу на отыскание законов развития научного знания, позитивизм должен был отвечать на ряд вопросов, принадлежащих прежней философии. Более того, отстаивая тезис о приоритетной ценности опытного познания, позитивизм не был свободен от установок отвергаемой им метафизики, но опирался на уже привычные положения эмпиризма и феноменализма.

Так, одним из идеологов позитивизма в философии XIX века стал продолжатель традиции английского эмпиризма Дж. Ст. Милль (1806-1873). Известно, что Милль разделял взгляды Конта относительно ценности научного метода и роли философии в развитии науки. Будучи последовательным эмпириком и сторонником идей Дж. Беркли и Д. Юма, Милль критиковал априоризм и метафизику в науке и философии. В своем фундаментальном труде «*A System of Logic, Ratiocinative and Inductive*» (1843) Милль закладывает основу для теории индукции.³¹ Согласно Миллю, индуктивное обобщение есть единственно верный способ, который может приводить к действительным научным открытиям. Характерным для индуктивистской логики положением, в данном случае, выступает идея о

³⁰ Степин В. С. История и философия науки.— М.: Академический Проект, Трикста, 2011.

³¹ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. / Предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2011.

единообразии природы и существовании строгого детерминизма, обуславливающего все закономерности в их причинно-следственной связи. Отыскание этих закономерностей есть задача эмпирического исследования, которое опираясь на сведения объективного и/или субъективного содержания опыта, из частных наблюдений/фактов посредством индукции приводит к общим положениям или законам.

С самого начала Милль дает понять, что индуктивное обобщение, по его мнению, не имеет ничего общего с простым перечислением всех случаев принадлежащих некоторому классу явлений. Метод *полной индукции*, описанный еще Аристотелем, не рассматривался Миллем как способ приращения новых знаний, потому как при перечислении всех известных случаев некоторого класса явлений объем сведений об этом классе остается неизменным. В этом отношении индукция есть не просто способ возведения закономерности от частного к общему, но более того – от известного к неизвестному.

Развивая теорию индукции, Милль предложил классификацию методов индуктивного обобщения (известную также как «каноны Милля»), которая является актуальной до сих пор. Он выделял четыре основных метода, а именно:

– *Метод сходства*. При условии, что несколько случаев наблюдаемого явления имеют общим сходное обстоятельство, следует полагать, что данное обстоятельство суть причина явления.

– *Метод различия*. При условии, что наблюдаемое явление возникает в одном случае и не возникает в другом, следует полагать, что причиной явления выступает обстоятельство, которое отличает один случай от другого.

– *Метод остатка*. При условии, что возникновение некоторого явления вызывает возникновение другого, следует полагать, что первое явление суть причина второго.

– *Метод сопутствующих изменений*. При условии, что всякий раз за определенными изменениями некоторого явления следует определенное изменение

другого явления, то вернее всего полагать, что первое явление суть причина второго.

Все четыре метода направлены на отыскание причинно-следственных связей между наблюдаемыми явлениями, и как результат, усмотрение закономерностей лежащих в основе исследуемых феноменов. Для примера обратимся к первому правилу индукции – к методу сходств, Милль формулирует его так:

«Если два или более случаев подлежащего исследованию явления имеют общим лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство – в котором только и согласуются все эти случаи – есть причина (или следствие) данного явления».³²

Попробуем прояснить данное правило. Положим, существует некоторое событие А, являющееся известным фактом, причины или следствия которого необходимо установить. Пусть А сопровождается в одной ситуации событиями В и С, в другой – D и E, тогда следствием первой ситуации оказывается *abc*, следствием второй ситуации – *ade*. Очевидно, что ни *b* ни *c* не суть следствия А, потому как они не сопутствовали А во второй ситуации, аналогично этому *d* и *e* не оказалось в первом случае, а значит, они не могут быть следствиями из А. Вернее всего предположить, что настоящим следствием А является обстоятельство *a*, поскольку оно было налицо в обоих случаях. Между тем, *a* не может быть следствием В и С, так как оно присутствовало там где их не было; в тоже время, *a* не может быть и следствием D и E, так как оно было налицо при их отсутствии. Таким образом, *a* является следствием А.

Стоит отметить, что хоть Милль и считал индуктивный метод главным инструментом приращения новых знаний, при помощи которого первичные гипотезы могут быть возведены до каузальных закономерных связей, т.е. законов, он также не отрицал ценность дедуктивных рассуждений. Несмотря на то, что дедукция, по его мнению, не может приводить к научным открытиям, дедуктивное умозаключение является необходимым инструментом проверки и уточнения тео-

---

³² Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 312.

ретического знания. Более того, Милль полагал, что всякое дедуктивное умозаключение по своей сути является индуктивным. Например, имея две посылки: «Всякий человек смертен» и «Сократ – человек», следует заключить, что «Сократ смертен». Однако содержание посылки «Всякий человек смертен», по мнению Милля, является исключительно индуктивным, так как оно было получено в результате обобщения частных случаев описываемых высказываниями: «Протагор смертен», «Эмпедокл смертен», «Демокрит...» и т.д. А поскольку нельзя с уверенностью судить, скажем, о том, что Протагор смертен, пока он жив, значит высказывание «Протагор смертен» является чисто эмпирическим. В данной связи утверждение «Всякий человек смертен» есть просто удобный способ обобщения частных случаев, а любой вывод, нисходящий от общего к частному, на самом деле является результатом умозаключения от частного к частному. Вернее всего, что дедукция в этом случае есть всего лишь умозаключение от известного к уже известному.

Пожалуй, одной из самых дискуссионных тем в ряду вопросов, касающихся философии научного знания, затронутых Миллем в своих исследованиях, была проблема обоснования точных наук. В то время как роль дедуктивного метода в познании с точки зрения его аналитической ценности рассматривалась им в положительном ключе, он не только отрицал дедуктивный метод как способ отыскания действительных каузальных связей, но и не признавал особый статус дедуктивных наук – математики и логики. Положения математики, по его мнению, подобно законам природы, устанавливаемым в естествознании, имеют индуктивное происхождение и являются обобщениями из опыта, а их точность и достоверность есть не что иное как результат их простоты и немногосложности. Милль так и пишет: «...“дедуктивные” или “демонстративные” науки – все без исключения суть науки индуктивные. Их доказательность основывается на опыте».³³ Так, простейшие положения арифметики – это выражения конкретных физических фактов, доступных посредством наблюдения. Например, предложение $1 + 1 = 2$ яв-

---

³³ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 219.

ляется непосредственным описанием опыта, полученного в результате соединения (объединения) друг с другом вещей. Все положения математики, несмотря на их абстрактность, находят свое подтверждение в природе вещей, поскольку являются справедливыми по отношению к ним без исключения. Ведь если бы суть вещей была устроена иным образом, предложения математики не имели бы универсального применения, а значит и не имели бы никакого смысла. Допустим, имея определение «круглый квадрат», несложно прийти к пониманию его противоречивости; достаточно обратиться к опыту чувственных созерцаний, который доподлинно покажет, что всякое впечатление свойства «круглого» теряется при возникновении впечатления «квадратного», и наоборот.

В целом для философии XIX века в связи с отказом от априоризма и критическим отношением ко всякой метафизике подобное видение основоположений математики было характерным. Точка зрения Милля разделялась не только сторонниками эмпирико-натуралистической трактовки познания, но и представителями самых разных научно-исследовательских направлений. Известно, что два признанных мыслителя того времени: Г. Гельмгольц и А. Пуанкаре высказывались в отношении природы числа и его свойств в том же духе, что и Милль. Примечательно, но только в девятнадцатом веке математики начали широко обсуждать проблему обоснования своего предмета. Прежде, со времен античности, математика считалась абсолютно точной и непротиворечивой дисциплиной, которая, как думалось, открывает достоверное знание о мире. В эпоху Нового времени, с рассветом естествознания за счет усилий выдающихся исследователей, стоящих в одном ряду с Галилеем и Ньютоном, росла убежденность в незыблемости математических истин. Точность математических моделей, позволяющих описывать и предсказывать наблюдаемые явления, говорила в пользу универсальности методов математики. Уже с развитием алгебры и математического анализа, к которому к слову причастны и выдающиеся философы, такие как Р. Декарт и Г. Лейбниц, росла и сумма противоречий – вопросов на которые нельзя было дать однозначного ответа. Но все противоречия, которые возникали в математике, счи-

тались несущественными либо выходящими за рамки собственного рассмотрения предмета. В своих рассуждениях мыслители XVII–XVIII вв. нередко использовали отсылку к метафизике числа и его особой природе, лежащей якобы за пределами действительной рациональности. Например: «Лейбниц утверждал, что метафизика используется в математике шире, чем можно себе представить. Единственным “обоснованием” равенства $1/2 = 1 - 1 + 1 - 1 + 1 - \dots$ и принципа непрерывности было утверждение Лейбница о том, что оба утверждения “обоснованы” метафизически».³⁴ Все это не могло не вызывать сомнений, и уже тогда глубокой убежденности рационалистов существовала альтернатива – с ними спорили скептики и эмпирики, такие как Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм. Впрочем, нельзя сказать, что на тот момент им удалось переломить веру в универсальность и непреложность математических принципов.

Однако к концу XVIII началу XIX вв. сомнения в своем предмете появляются уже у математиков. Показательным в этом отношении стала попытка математиков прийти к доказательству «пятого постулата» Евклида, который на протяжении всего существования евклидовой геометрии вызывал у математиков недоверие. Работая над доказательством, математики К. Гаусс и Я. Бойяи пришли к парадоксальным выводам, допускающим возможность существования неевклидовой геометрии. Впервые законченная система неевклидовой аксиоматики, при поддержке Гаусса, была представлена Н. И. Лобачевским в работе «О началах геометрии» (1829). В данной работе приводились свидетельства того, что пятый постулат Евклида не может быть доказан на основе евклидовой аксиоматики, и более того, показывалось, что при допущении в структуре доказательства принципа противоположного пятому постулату, существует возможность выстроить принципиально отличную от евклидовой аксиоматики геометрию, которая бы была такой же непротиворечивой и содержательной. С этого момента идея об универсальности математики и незыблемости ее истин все больше казалась небесспорной.

---

³⁴ Клайн М. Математика. Утрата определенности. – М: Мир, 1984. С. 177.

Другой не менее дискуссионной проблемой разрабатываемой в своих исследованиях Миллем стал вопрос о предмете и методе логики. Логика, согласно Миллю, есть не просто прикладная дисциплина о способах и формах мышления, но есть общая теория и методология науки, а ее законы, как и любые другие законы в понимании Милля являются обобщениями из опыта. В основу логики как науки, занимающейся исследованием первых и самых общих истин, составляющих содержание сознания и/или мышления, Милль закладывает теорию ассоциации идей, а именно методологические принципы ассоциативной психологии. Такой подход к изучению законов логики был принят рядом немецких философов и логиков (например, Б. Эрдманном, Т. Липпсом и Х. Зигвартом) и стал фундаментом доктрины логического психологизма. Впоследствии идеям логического психологизма было отказано. Одна из первых работ, где логический психологизм подвергся тщательному разбору, принадлежала Г. Фреге³⁵. Немногим позже аргументы Фреге развил и дополнил Э. Гуссерль, поставив, как считается, точку в истории психологизма XIX века. Подробнее о тезисах и антитезисах психологизма в логике будет говориться в следующей главе.

Еще одним известным позитивистом, разделяющим идеи Конта и Милля, был Г. Спенсер (1829 – 1903). Важно отметить, что философия Спенсера хоть и имеет черты феноменалистской трактовки познания восходящей к Д. Юму, она как отмечается³⁶, должна рассматриваться в ключе традиции кантианства.

Теоретико-познавательная парадигма, отстаиваемая Спенсером, строилась на утверждении им двух онтологий: «познаваемого» и «непознаваемого».³⁷ В несколько упрощенной форме, можно сказать, что данная дифференциация соответствует позиции И. Канта, который различал феномены и ноумены, с тем, что первые составляют познаваемое единство феноменальной данности, вторые закрыты

---

³⁵ Frege F. Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl. Breslau: W. Koenig, 1884.

³⁶ Степин В.С. Указ. соч.

³⁷ Спенсер Г. Синтетическая философия (в сокращенном изложении Г. Коллинза). – К.: Ника-Центр, 1997.

от непосредственного опытного познания. За областью непознаваемого Спенсер оставляет сущностные качества и первоначала, которые остаются в трансцендентной познанию действительности и не могут быть установлены. К сфере познаваемого относится все многообразие явлений, составляющих совокупный объем опыта. Область непознаваемого не может быть предметом научного познания, ей занимается религия, а познаваемое есть предмет науки и философии. И в этом ключе позиция Спенсера соотносится с идеями Конта, но при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что их взгляды несколько расходятся. Несмотря на твердую убежденность Спенсера относительно того, что науке надлежит исследовать исключительно познаваемое, он признавал ценность метафизики и религии, и считал их взаимодействие с наукой полезным. В своих рассуждениях он отталкивался от того, что признание самого факта непостижимого в качестве универсального категорического положения есть предельный ограничительный принцип науки, за которым ее метод становится бессмысленным, и начало религии или ее первая интуиция. Говоря простым языком, где начинается метафизика, там заканчивается наука, а поскольку наука способна приводить лишь к познанию сходства, различия и прочих отношений между вещами, но она не может проникнуть в суть этих вещей – отказывать метафизике в существовании нецелесообразно.

Позиция Спенсера относительно предмета и задач философии в известной степени соответствовала позитивистским установкам. Цель науки и философии виделась им в выявлении закономерностей и отношений между феноменами. Философии в этом плане необходимо отказаться от изучения непознаваемого и наравне с наукой исследовать многообразие феноменальной данности, подвергая ее анализу, обобщению и систематизации. Разница между наукой и философией, согласно Спенсеру, состоит в степени обобщения; в то время как наука занимается исследованием частных истин, философия – исследованием всеобщих. Частные положения и всеобщие истины, изучаемые философией, по его мнению, могут быть двояким образом консолидированы:

- *во-первых*, частные истины должны служить уяснению всеобщих истин, которые за счет индуктивного обобщения имели ли бы наивысшую степень абстракции, делающей их универсальными и непреложными.
- *во-вторых*, всеобщие истины признанные таковыми, могут служить для истолкования частных истин.

В этой связи становится понятно, почему в отличие от Конта и Милля, которым дедуктивный метод казался неэффективным и, в сущности, непригодным способом приращений новых знаний Спенсер указывал на то, что методы индукции и дедукции имеют равные права и должны взаимодополнять друг друга. Метод дедукции есть метод количественного предвидения, индукции – качественного; именно количественные сведения делают науку, по мнению Спенсера, позитивной. Более того, дедукция, используемая точными науками, расширяет возможности естествознания в описании и прогнозировании явлений.

Одной из примечательных философских разработок Спенсера стала концепция, так называемого, универсального эволюционизма. К слову, в своей работе «Гипотеза развития» (1852), написанной за семь лет до известного труда Ч. Дарвина³⁸, Спенсер на основе идей Ж.Б. Ламарка предложил свой взгляд на проблему эволюции биологических видов. Не лишним будет отметить, что для XIX века как для периода значительных научных и культурных преобразований, становление биологии – признание ее статуса и права быть научной дисциплиной, притязающей на естественнонаучное объяснение закономерностей развития биологических видов, послужило важным фактором для скорого становления и развития смежных с биологией дисциплин. Применение эволюционного подхода в физиологии и антропологии открыло новые возможности для исследования человека и общества. В частности эволюционный подход был реализован в проектах некоторых психологов и социологов.

---

³⁸ Имеется в виду работа Ч. Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859).

Начав с проблемы развития биологических видов, Спенсер предпринял попытку универсализировать эволюционный подход и выстроить на его основе целостную философскую концепцию, в которой эволюция трактовалась в качестве универсального порядка бытия материи и возможностей ее преобразования от элементарных физических процессов до организации биологических, психических и социальных форм существования.

Спенсер писал:

«Эволюция есть интеграция (приведение к членораздельному единству) материи, сопровождаемая рассеянием движения, во время которой материя переходит от состояния неопределенности, несвязной однородности к состоянию определенной и связной разнородности и во время которой неизрасходованное движение претерпевает аналогичное же превращение».³⁹

Данное определение эволюции, как отмечается, стало классическим, и было успешно реализовано биологическими и социально-историческими науками. В дополнении к этому, отмечается, что эволюционизм Спенсера предвосхитил теорию систем. В частности, ему удалось сформулировать три основных принципа лежащих в основе генезиса системных объектов, а именно: интеграция, дифференциация и увеличение порядка/структурности. Можно говорить о том, что задолго до появления методов системного анализа, Спенсер однозначно понимал, что всякое развитие проистекает из дифференциации и интеграции первоначально несвязанной однородной субстанции в упорядоченную и структурированную систему связанных друг с другом агрегатов. Очевидно, что такой взгляд на устройство реальности, в силу его умозрительной и отсылающей к первоначальным онтологическим условиям установкам противоречил основным тезисам позитивизма, но сказано, что и сам позитивизм пресуппозиционально включал в себя метафизические предпосылки, притязая на роль метанауки, устанавливающей критерии научной рациональности.

---

³⁹ Спенсер Г. Указ. соч. С. 8.

В целом, перед первым позитивизмом ставилось две задачи: (1) отыскание эффективной методологической модели научного познания, способной обеспечивать открытие новых явлений и законов; (2) установление принципа классификации наук по формальным и содержательным признакам.

Первую задачу позитивизм решил в сторону эмпирико-натуралистической индуктивной модели исследования, согласившись с тем, что невозможно прийти к хоть сколько-нибудь ценным открытиям, отталкиваясь от принятых на веру положений, как это было в прежней метафизике. Подход к решению второй задачи не был консенсуальным и даже внутри движения позитивизма содержал принципиальные разночтения. Вопрос о структуре научного знания для позитивизма оставался открытым, но не нерешенным.

Так Конт выделял шесть основных научных дисциплин в качестве самостоятельных областей познания: математика, астрономия, физика, химия, биология, социология или социальная физика. В последующем сторонниками контовской таксономии наук было принято решение включить в данную классификацию психологию. В основе классификации Конта лежит идея развития, а именно движения

- от простого к сложному,
- от абстрактному к конкретному и
- от архаичного к новому.

Математика, к примеру, является наиболее простой абстрактной и укоренившейся в традиции научной рациональности дисциплиной. За ней следует астрономия как наиболее общая наука об устройстве вселенной, которая исследует законы расположения и движения небесных тел. Химии предшествует физика, изучающая главным образом фундаментальные физические явления, используемые в химии для исследования структуры и свойств веществ. С опорой на законы физики и химии биология объясняет особенности строения и функционирования биологических видов. Наукой завершающей классификацию Конта признается социология как дисциплина о закономерностях и отношениях взаимодействия человека и об-

щества. Именно социология, по мнению Конта (которому в некоторых случаях приписывается роль основателя социологической науки), является наиболее сложной и комплексной дисциплиной, венчающей иерархию научного знания.

Другой взгляд на структуру научного знания принадлежал Спенсеру, который выделял три класса наук: конкретные, абстрактно-конкретные и абстрактные. Предполагалось, что научное познание имеет дело с явлениями и их отношениями, где сами явления исследуются конкретными и абстрактно-конкретными науками, а отношения между явлениями – абстрактными. К абстрактным наукам, изучающим многообразие форм, в которых наблюдаемые явления образуют единство феноменальной данности, относятся математика и логика. Вместе с тем, каждое из наблюдаемых явлений, в понимании Спенсера, есть результат действия некоторых сил/взаимодействий. Конкретные науки, такие как механика, физика и химия изучают определенные типы взаимодействия. В свою очередь абстрактно-конкретные дисциплины изучают совокупность нескольких взаимодействий, к таким наукам относятся: астрономия, геология, биология, психология и социология.

Как видно, в основе классификаций наук Конта и Спенсера лежит идея системного развития и усложнения структуры соподчиненных дисциплин. И в том и в другом случае, с небольшой разницей, от степени конкретизации предметной области той или иной науки зависит ее место в иерархии дисциплинарных отношений. Такое понимание устройства структуры научных знаний без малого говорит о явном наличии в установках первого позитивизма принципа абсолютной закономерной каузальности, лежащей в основе всего многообразия наблюдаемых явлений.

С учетом задач, которые ставил перед собой первый позитивизм и путей, которые были намечены идеологами позитивной философии, можно выделить несколько принципиальных моментов:

– во-первых, это установка на единообразие науки и понимание ее в качестве развивающейся системы знания, которая претерпевая процессы дифференциации и интеграции, последовательно прогрессирует.

- во-вторых, установка на единообразие наблюдаемых явлений и включение их в общую структуру познавательной предметно-исследовательской парадигмы.
- в-третьих, опора на эмпирико-натуралистическую исследовательскую модель.
- в-четвертых, сведение философии до аналитической области познания, призванной обобщать и классифицировать результаты научных исследований.

Между тем было сказано, что для решения поставленных задач, позитивизм, так или иначе должен был решать задачи входящие в область фундаментальных философских вопросов, принадлежащих преимущественно эпистемологии и логике. Решить эти задачи, соответственно, можно было только в условиях общепринятой модели философского исследования. Критика прежней метафизики не решала вопрос с отсутствием “оправдания” для самой философии и тех методов, которыми ей надлежало пользоваться. Таким обоснованием, помимо прочего, стала доктрина психологизма, которая в известном смысле имела собственную линию развития, но имела и прямые пересечения с идеями первого позитивизма. В итоге можно сказать, что отказ от метафизики и утверждение курса на натурализм, поставил перед философией XIX века проблему, заключающуюся в поиске соответствующих голосу протеста оснований.

1.2 Эмпирическая психология как теория и как метод познания

Как выяснилось, кризис спекулятивно-идеалистической философии XIX века послужил поводом к пересмотру ряда принципиальных вопросов, касающихся предмета философии, ее целей и задач. Позитивистские настроения, устанавливающие ценностный приоритет эмпирико-натуралистической модели познания перед метафизическими концепциями, способствовали возникновению соответствующей интеллектуальной среды, в которой академические философы все чаще стали предпринимать попытки выстроить философию по принципу естествознания. Одной из основ для построения постметафизической философии была вы-

брана эмпирическая психология, которая, как казалось, смогла бы сциентизировать философское знание и придать ему строго научное обоснование. В последующем эти попытки стали рассматриваться в ключе единого направления, которое получило название «психологизм».

В § 1.1 сказано, что психологизм зародился в Германии и стал одной из ведущих постметафизических программ философии XIX века. В своей «Die Geschichte der neueren Philosophie» (История новой философии, 1880), В. Виндельбанд отмечает, что психологизм берет свое начало в традиции неокантианства.⁴⁰ Одним из самых значительных психологистов, по мнению Виндельбанда, являющимся в тоже время и первым из тех, кто принял точку зрения эмпирико-психологического обоснования системы И. Канта, был Я. Ф. Фриз.

Развивая свою философскую концепцию, Фриз исходил из убеждения, что исследование априорного познания, составляющего задачу критики разума, само по себе носит апостериорный характер, так как все трансцендентальные условия могут быть найдены только в фактической эмпирически обусловленной природе деятельности мышления. Будучи в известном смысле представителем философии чувства, пишет Виндельбанд, Фриз выделялся своим требованием к тому, чтобы непосредственное познание чувства было возведено рефлексией на уровень ясного и достоверного сознания. Мышление, по Фризу, это рефлексия над чувством, а всякое познание не выходит за пределы рефлексивных форм субъективности и может быть доведено до сознания только посредством самонаблюдения над своей познавательной деятельностью. Потому естествознание, полагал Фриз, должно строиться на принципах математики и механики, а для изучения природы внутренних психических явлений, и тут Фриз полностью расходится, к примеру, с И. Ф. Гербартом и отрицает возможность математического познания психики, необходимо полагаться на дескриптивный анализ. По мнению Фриза, именно методы

---

⁴⁰ Виндельбанд В. История новой философии / Истoрiя новой философиi. – СПб.: Типография В.Безобразова, 1906.

эмпирической и/или описательной психологии должны служить фундаментом философского познания.

Между тем, впервые термин «психологизм» (в отношении философской системы) был использован И. Э. Эрдманом в 1866 году в работе «Grundriss der Geschichte der Philosophie» для обозначения философии Ф. Э. Бенеке. Вопреки распространенному мнению, именно Бенеке впервые удалось сформулировать законченную программу психологизма (иногда в этой связи упоминается В. Вундт).

Известно, что философские взгляды Бенеке были оппозиционны традиции немецкого идеализма, в частности идеям Г. Гегеля и И. Канта. Как пишет Виндельбанд, Бенеке не только разделял позицию Фриза касательно того, что теория познания, а с ней и прочие философские дисциплины должны быть основаны на эмпирической психологии, но и настаивал, что задача теории познания состоит даже не в отыскании априорных условий (которых, по его мнению, и не существует), сколько в том, чтобы стать историей развития эмпирического сознания вообще. Как отмечается, философский проект Бенеке стоит рассматривать в ключе традиции ассоцианизма. В своей работе «Neue Psychologie» (1845) Бенеке представил Германии анализ разных концепций психологов-ассоцианистов английской и шотландской школ, высказав среди прочего собственные идеи. Часть этих идей были изложены ранее в работе «Erfahrungsseelenlehre als Grundlage alles Wissens» (1820), однако наиболее завершенной работой Бенеке, в которой ему удалось реализовать в единой концепции свои воззрения, считается труд «Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft» (1833).

Собственно «Новая психология» Бенеке – это, прежде всего фундаментальная философская дисциплина, цель которой заключается в исследовании самых общих принципов и закономерностей познания с тем, чтобы подвести эмпирико-психологическую аргументацию под все известные отрасли философии, будь то метафизика, эпистемология, логика, этика, право, политическая теория и т.д. Вслед за И.Ф. Гербартом, Бенеке придерживается мнения, что деятельность души (психики) есть результат взаимодействия простых элементов (ощущений или

представлений), и психология как раз и должна отыскивать закономерности этих взаимодействий. Верным методологическим решением для своей психологии Бенеке видит индуктивную исследовательскую модель, т.е. модель естествознания, однако с одним отличием – по его мнению, точность и результативность «нового психологического метода» будет на порядок выше, чем в естествознании, поскольку вероятность ошибки «внутреннего чувства» (в противоположность ряду исследователей Бенеке исключал допустимость применения объективных методов психологического исследования, оставляя место лишь для интроспекции) многим меньше, чем внешнего.⁴¹ Говоря проще, суть данного метода заключается, во-первых, в самонаблюдении, во-вторых, в индуктивном обобщении фактов субъективного содержания опыта, позволяющем привести к усмотрению более сложных законов психики.

Центральным понятием концепции Бенеке выступает понятие души как единого начала всего сущностного и возможного [деятельностного]. Душа есть субстанциональное единство, которое включает в себя многообразие способностей человека, а ее деятельность есть результат осуществления этих способностей с опорой на взаимодействие с другими элементами. Под способностью души в данном случае понимается специфическая форма реакции на некоторое раздражение/ощущение. Для примера такой реакцией может быть способность ощущать что-нибудь как красное или что-нибудь как теплое. Разумеется, что подобных способностей может существовать сколько угодно, а потому каждое впечатление существует не как завершенное в действительности актуальное значение некоторой способности, а как ее чистая возможность. Только тогда когда способность соединяется с соответствующим ей раздражителем, она из области потенциальной возможности переходит в качественную форму деятельности души.

Далее Бенеке полагает четыре основных процесса, которые, по его мнению, лежат в основе развития способностей души. Первый из них заключается в том что, установление связи между некоторой способностью и ее впечатлением слу-

---

⁴¹ Beneke F. Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. - (2nd ed.), Berlin: E. S. Mittler, 1845.

жит основой для выработки первоначальных ощущений. Затем, всякое первоначальное ощущение, в случае его соединения с другими ощущениями делает возможным возникновение новых способностей. Однако каждая приобретенная способность сохраняет возможность быть утраченной и может распасться на норму реакции и соответствующее ей впечатление. И наконец, представления (т.е. укорененные в деятельности души впечатления) имеют возможность связываться друг с другом согласно степени сходства своего содержания, образуя при этом наиболее прочные связи. Таким образом, четыре процесса: возникновение представлений, приобретение новых способностей, воспроизведение и ассоциация впечатлений, составляют систему принципов взаимодействия простых элементов души, с помощью которых образуются более сложные формы психической деятельности.

Как видно, в своей теории Бенеке опирается на установки восходящие к эмпиризму Д. Локка как основателю учения о внутреннем чувстве, и соглашается с тем, что душа в действительности не имеет ничего предуготованного в смысле представлений и направления воли, и определяющим в этом смысле является опыт. Но с другой стороны, полагает Виндельбанд, обращать *tabula rasa* в чистое ничто было бы заблуждением, и Бенеке рассматривает душу как сумму задатков, стремящихся к своему осуществлению.

В своем обзоре проекта Бенеке Виндельбанд высказывал несколько критических замечаний. Например, понятия субстанциональности и причинности, определяемые Бенеке через сущность и деятельность души, с одной стороны отвечают на вопрос об онтологических предпосылках существования способностей души, с другой – оставляют нерешенной проблему реализации способностей относительно какой бы то ни было определенной структуры. Кроме того пытаюсь развить идею причинности, Бенеке, в конечном счете, приходит к понятию спиритуализма с тем, что во всех вещах, включая телесные должно мыслиться нечто подобное душе. Однако учитывая, что наши сведения о внешнем мире повсемест-

но обнаруживают пробелы, любое познание становится скорее актом веры или предчувствия.

В дальнейшем продолжая полемику против *радикального психологизма*⁴², Виндельбанд в работе «Kritische oder genetische Methode?» (1884) предлагает пути его преодоления посредством использования генетического метода, который основывается на эмпирической психологии и истории культуры. Целью данного метода полагается выявление принципов логики, эпистемологии и этики в качестве общеобязательных правил, которые, по мнению Виндельбанда, являются результатом конвенциональных отношений, выработанных в результате совместной интеллектуальной практики. В попытке универсализировать данный принцип Виндельбанд занимает парадоксальную позицию: он отрицает возможность единых логических принципов в разных культурах и одновременно считает, что в основе всякого единства нормативных положений лежит «стремление к счастью», которое и выступает главным фактором в происхождении форм культурного взаимодействия.

Что интересно, один из идеологов критики психологизма Э. Гуссерль, весьма положительно отзывался о работе Виндельбанда. По мнению М. Куша, это связано с тем, что позиция Гуссерля по проблеме психологизма во многом предопределена исследованиями его соратника по феноменологическому движению К. Штумпфом.

В своей работе «Psychologie und Erkenntnistheorie» (Психология и теория познания, 1892), Штумпф отмечает, что немецкая философия конца XIX века страдала от раскола на критицизм и психологизм. Штумпф так характеризовал данные позиции:

«Психологи́сты утверждают, что познание является ведь само по себе психическим процессом, а потому исследование его предпосылок есть тоже психологическое исследование. Этой естественной аргументации

---

⁴² Имеются в виду разные концепции (в числе которых были проекты Фриза и Бенеке), которые ставили своей задачей выстроить философию на основе эмпирической психологии.

психологиста критицист противопоставляет положение о том, что психологическое исследование может, конечно, привести нас к открытию определенных фактов душевной жизни, к познанию мыслительных и чувственных процессов (или, в крайнем случае, к эмпирическим правилам, например, к правилам ассоциации идей). Однако, – утверждает критицист, – это исследование никогда не приведет нас к познанию всеобщих и необходимых истин. По крайней мере, оно не может привести к таким истинам, которые должны считаться еще и объективными, к примеру, к геометрическим аксиомам или к закону причинности».⁴³

Впрочем, сам Штумпф отстаивал срединный путь между критицизмом и психологизмом, утверждая: «Ничто не может быть истинным в теоретико-познавательном отношении и одновременно психологически ложным».⁴⁴ В защиту данного тезиса Штумпф в частности приводит несостоятельное, с его точки зрения, различие между формой и материей, которое использовали в своих рассуждениях Кант и его последователи. Замечание Штумпфа касалось возможности чистых созерцаний, где от представления о вещи можно абстрагировать все то, что относится к ощущениям, но сохранить при этом протяженность и образ. Штумпф апеллирует к мнению своих современников – нативистов и эмпиристов, которые единодушны в том, что невозможно представить пространство, протяжение, образ без какого-либо чувственного качества. «Мне вообще известен только один единственный автор, – пишет Штумпф, – который еще открыто, занимает кантовскую позицию в этом вопросе и приписывает себе способность представлять квадрат на каком угодно фоне как полностью бесцветный (даже не как черный, серый или белый)». Штумпф задает вопрос: «Как это может происходить, если контуры квадрата не

---

⁴³ Штумпф К. Психология и теория познания // Логос.2005. №2 (47). С. 118.

⁴⁴ Там же. С. 128.

выделяются, по крайней мере, благодаря различию по яркости, на каком-либо светлом или темном фоне, сказать трудно».⁴⁵

В итоге, отрицая неокантианское положение о том, что эпистемология и психология должны быть четко разделены, Штумпф предлагает следующую дифференциацию: в задачи психологии должно входить изучение происхождения и генезис понятий; цель эпистемологии состоит в выявлении самых общих, самоочевидных теоретико-познавательных положений.

Особая роль в становлении доктрины психологизма в философии XIX века, принадлежит учителю Штумпфа и одному из родоначальников феноменологии Ф. Brentano. Критикуя спекулятивную метафизику и априоризм, Brentano стремился к методологическому синтезу социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин, который, по его мнению, должен быть реализован на основе эмпирической психологии. Подобно Бенеке, «точкой опоры» всякого познания Brentano видит [внутренний] опыт, а главным методом философского исследования – интроспекцию. В работе с говорящим названием «Psychologie vom empirischen Standpunkt» (Психология с эмпирической точки зрения, 1874) Brentano пишет:

«...мы не имеем права верить в то, что предметы так называемого внешнего восприятия в действительности таковы, какими нам являются. Ведь их существование вне нас не доказуемо. Однако что можно сказать о предметах внешнего опыта, того нельзя сказать о предметах опыта внутреннего»⁴⁶.

Внутреннее восприятие в понимании Brentano является не только непосредственным и очевидным, но восприятием как таковым в собственном смысле слова, и никакого другого восприятия нет. Психология, по Brentano, есть наука о психических феноменах и не более того, и в этой связи стоит четко различать два больших класса феноменального мира: класс физических и класс психических феноменов. Классу психических феноменов принадлежат акты представления, вернее,

---

⁴⁵ Там же. С. 129.

⁴⁶ Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, РФО, 1996. С. 19.

все те феномены, которые своим основанием имеют некоторое представление. В свою очередь существование всякого представления исходит из возможности рефлексии над ним, которое выражается в интенциональном существовании предмета представления во внутреннем восприятии: «В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится и т.д.»⁴⁷, – пишет Brentano. Таким образом, имманентная предметность или интенциональность внутреннего существования, является общим и главным свойством всех психических феноменов, которое отличает их от физических феноменов. Помимо интенциональной сущности предмета представления, несомненной качественностью психических феноменов является их непротяженность и безрасположенность в пространстве, что наделяет феноменальный мир психического единством явления. Физические феномены в противоположность психическим имеют протяженность и пространственность, и как следствие лишены этого единства.

Немаловажным является тот факт, что хоть Brentano и выражает глубокий скепсис в отношении проблемы объективного познания физических явлений, его философия вряд ли стремится развенчать идеал методологической модели естествознания, но скорее наоборот. Так M. Kusch, ссылаясь на малоизвестную работу «*Meine letzten Wünsche für Österreich*» (1895), приводит цитату Brentano, в которой говорится: «институционализация психологии может быть доверена лишь тому, кто в своих исследованиях ориентируется на методологию естествознания».⁴⁸ Кроме того, Brentano отмечает, что даже его собственный психологический проект не мог быть осуществлен правильно без помощи методов экспериментальной психологии. Наибольшие же сомнения концепция Brentano вызывал у представителей физиологической и экспериментальной психологии, которые указывали на то, что психические феномены не могут быть предметом научного исследования, так как они не доступны непосредственному наблюдению и воспроизведению в

---

⁴⁷ Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, РФО, 1996. С. 33.

⁴⁸ Kusch M. Op. cit. P. 136.

эксперименте, а сведения полученные в результате интроспекции не могут считаться достоверными. Одним из критиков Brentano был В. Вундт, под руководством которого к концу XIX века в 1879 году в Лейпциге открылась первая в мире экспериментальная психологическая лаборатория. В своей исследовательской практике Вундт стремился к комплексному применению методов объективного и субъективного исследования, сочетая психофизиологический эксперимент и интроспекцию. В дальнейшем уже сам Вундт критиковался за использование в своих экспериментах интроспекции, а некоторые его исследования были признаны ненаучными.

Характерной особенностью философских воззрений Вундта выступало стремление обосновать философию в качестве такой области познания, которой должно объединить в себе все общее, что представлено в разных дисциплинах в единое целое с опорой на анализ научных методов и исследование условий приобретения знаний.⁴⁹ Как нельзя лучше свою позицию по этому поводу Вундт выразил в своей работе посвященной классификации наук и философии «*Über die Einteilung der Wissenschaften*» (1889), в которой он главным образом утверждает, что в то время как различные научные отрасли исследуют множество отдельных предметов познания, задача философии состоит в отыскании взаимосвязи между ними. Для прояснения этой взаимосвязи философия должна ориентироваться на исследовательские задачи в области формальных законов и в области реального содержания знания. К области реальных наук, по Вундту, относится вся совокупность естественных и социогуманитарных дисциплин, к области формальных – чистая математика. Психология, согласно данной точке зрения, должна рассматриваться не иначе как естественная наука, и ее теоретико-методологические основания должны быть полностью подчинены принципам естествознания. Главной задачей естествознания, как и психологии в качестве строго эмпирической науки, Вундт видел объяснение опыта, уточняя при этом, что в то время как естествозна-

---

⁴⁹ Вундт В. Введение в философию / Введеніє въ філософію.– СПб., 1903.

ние исследует объективное содержание опыта, психология рассматривает совокупное содержание опыта в его отношениях к субъекту познания.

«Поэтому и естествознание, – пишет Вундт, – не может отвлекаться от познающего субъекта, а лишь от тех его свойств, которые или отпадают, подобно чувствам, как скоро мы отбросим мысленно, субъект, или же, подобно качествам ощущений, должны быть относимые на счет субъекта на основании физического исследования. Напротив, психология имеет своим предметом совокупное содержание опыта в его непосредственных свойствах».⁵⁰

Таким образом, перед естествознанием и психологией ставится задача на взаимное дополнение друг друга. Однако Вундт не мог не понимать принципиальных трудностей, которые имели место в связи с поставленной задачей.

Прежде нужно учитывать, что успехи в области нейро- и психофизиологии отличили XIX век фундаментальными исследовательскими достижениями. Несмотря на то, что в начале столетия нейронауки все еще находились под влиянием идеалистических тенденций философской мысли, уже к середине века происходят серьезные шаги на пути к естественнонаучному осмыслению нервных и психических проявлений.⁵¹ Работая в тесном сотрудничестве, больших успехов достигают немецкая и русская физиологические школы. Подходящим примером, как раз того, как физиология, с одной стороны, отстаивала свое право на объективное исследование нервных процессов, с другой – притязала на роль фундаментальной психологической дисциплины, призванной исследовать границы души, являются труды И. М. Сеченова, в которых мы находим отсылку к тем трудностям, что стояли на пути, отмеченном для психологической науки Вундтом.

В своей известной статье «Рефлексы головного мозга» (1866) Сеченов, используя привычное для физиологов понятие рефлекса восходящее к Р. Декарту, сумел качественно переосмыслить механистическую трехзвенную рефлекторную

⁵⁰ Вундт В. Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 3.

⁵¹ Сорокина Т. С. История медицины. – М.: «Академия», 2008.

модель. Не углубляясь в суть вопроса, следует указать на то, что в классическом понимании рефлекса, реакция организма на некоторый раздражитель рассматривалась как простое механическое отражение – прямой ответ организма на внешний стимул. С точки зрения Сеченова, уже на этапе внешнего раздражения рефлекс начинается с различения внешних условий, в которых совершается некоторое ответное действие. В этом плане рецептор выступает в качестве единицы информационного обмена, сообщаящей организму условия в которых он будет действовать. Далее, исследуя ответную мышечную реакцию, вызванную тем или иным раздражителем, Сеченов выдвинул еще более оригинальный тезис. По его мнению, эффектор (мышца) есть не только рабочий орган, совершающий ответное действие; имея в виду, что мышцы обладают собственной чувствительностью, каждое их действие также сигнализирует организму о пространственно-временных условиях внешней среды. Мышца, утверждал Сеченов, осуществляет познавательную функцию и выполняет операции анализа, синтеза и сравнения объектов в пространстве. Об этом же, кстати, говорил и Гельмгольц, утверждая, что мышечный орган выполняет логическую работу, производя так называемые бессознательные умозаключения об условиях внешней среды. Занимаясь исследованием зрительной чувствительности, Гельмгольцу удалось обнаружить, что восприятие целостных объектов в пространстве протекает по особым законам, которые не могут быть сведены к сумме элементарных зрительных ощущений. В своем учебнике по истории психологии М. Г. Ярошевский описывает такой пример: «В опытах Гельмгольца между глазом и объектом ставились призмы, искажавшие восприятие объекта. Однако организм посредством различных приспособительных движений мышц стремился восстановить адекватный образ этого объекта. Получалось, что движения мышц выполняют не чисто механическую, а познавательную (даже логическую) работу».⁵² В рассуждениях Сеченова существование подобного феномена свидетельствовало о том, что ответное действие, которое со-

---

⁵² Ярошевский М. Г. История психологии от античности до середины XX В. Учеб. пособие. – М., 1996. С. 125.

вершает организм на раздражение внешней среды, не является завершающим звеном в цепи рефлекса, но уже осуществленное действие сигнализирует организму об условиях среды, в которых мышечный орган осуществил свою работу. Из этого следовало, что рефлекторные действия регулируются по принципу рефлекторного кольца, но не рефлекторной дуги, как это полагалось ранее. Идея о том, что организм и среда связаны друг с другом непрерывным взаимодействием открыла для исследователей принципиально новые возможности для объяснения сложных форм управления поведением организма в среде. Впрочем, данное предположение имело большое значение не только для физиологии.

В той же работе («Рефлексы головного мозга»), Сеченов описал механизм центрального торможения. Данное открытие в последующем послужило основой для серьезных преобразований в учении о поведении и психологии. В самом общем виде доказательство существования механизма центрального торможения показывало, что организм способен не только следовать условиям внешней среды отвечая на раздражения, но и сопротивляться действующим раздражениям, руководствуясь своей собственной внутренней программой. В дальнейшем теория центрального торможения послужила основой для концепции об интегративной деятельности центральной нервной системы, позволяющей объединить все функциональные системы организма в целостную систему. Именно системный подход к объяснению нервно-психических проявлений, включая такие феномены как сознания и воля, открыл для физиологии нервной деятельности возможность изучать психику с позиции экспериментальной исследовательской модели.

На данном этапе уже сама психология стала предметом острых дискуссий. В одном случае сторонники естественнонаучной ориентации психологии отстаивали позицию, согласно которой психология может и должна быть в той или иной степени сведена к физиологии. Так в 1873 году публикуется трактат Сеченова с названием «Кому и как разрабатывать психологию?». В данной работе автор настаивает на том, что будущие успехи психологии могут предполагаться только за объективным методом, но никак не за интроспективной исследовательской моде-

лю которую активно используют исследователи в своих лабораториях. В другом случае сторонники ненатуралистической (интроспективной и/или интенциональной) психологии защищали мнение о том, что существенные границы психики пролегают за пределами каузальной объяснительной модели. К числу таких исследователей причисляются уже названные Ф. Brentano и К. Штумпф, а также Т. Липпс, Э. Гуссерль, В. Дильтей, и др. Примечательно, но между чисто материалистической и идеалистической трактовками психики некоторые исследователи, руководствуясь двоякими соображениями, занимали довольно-таки своеобразную позицию. Так Г. Фехнер, будучи убежденным идеалистом, посвятил себя исключительно объективной психологии. Известно, что опираясь на наблюдения Э. Вебера, Фехнеру удалось сформулировать точную математическую модель отображающую зависимость интенсивности ощущения от интенсивности стимула действующего на органы чувств как раздражитель. Открытие данной закономерности, названной Фехнером «основным психофизиологическим законом» стало одним из опорных для становления научной психологии событий.

Среди философов, высказавшихся в пользу естественнонаучной ориентации психологии, были и представители позитивизма О. Конт и Дж. Ст. Милль. К примеру, Милль считал, что психология должна рассматриваться не иначе как ветвь физиологии – как наиболее сложная и проблематическая ее часть. Вместе с тем он отмечал, что пока исследования в области физиологии нервной деятельности не смогут предоставить исчерпывающих сведений о своем предмете, нет никаких оснований всецело сводить законы психологии к законам физиологии. Он пишет: «за всяким действительным знанием последовательностей психических явлений мы должны и впредь (если не всегда, то, несомненно, еще долгое время) обращаться к их прямому изучению путем наблюдения и опыта».⁵³ Свой идеал психология, по мнению Милля, достигла бы тогда, когда смогла бы приблизиться к точности и достоверности прогнозов, которые демонстрирует естествознание. По этому поводу он пишет:

---

⁵³ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 635.

«Так как психология имеет дело с мыслями, чувствами и действиями людей, то она достигла бы возможного для науки идеального совершенства в том случае, если бы дала нам возможность с такой же уверенностью предсказывать то, как будет думать, чувствовать и поступать в течение всей своей жизни каждый индивидуум, с какой астрономия дает нам возможность предсказывать места и затмения небесных тел».⁵⁴

В целом, Милль также считал, что психология должна лежать в основании всякого исследования духа. И хотя до сих пор нет единого мнения по вопросу, можно ли считать теорию познания Милля психологистской, чаще всего его взгляды рассматриваются в ключе доктрины психологизма.⁵⁵ Было сказано, что Милль стремился к утверждению теории индукции как общей теории познания. Согласно его убеждениям, всякая законосообразность подчинена всеобщей каузальности, которая имеет своим следствием строгий детерминизм, охватывающий все наблюдаемые явления. Не являются исключением, в данной связи, и законы психики.

Для всякого психического состояния, полагает Милль, существует своя причина, которая может иметь двоякое происхождение. С одной стороны причиной некоторого психического состояния может быть другое психическое состояние, с другой – телесное состояние. Милль пишет: «Когда одно духовное состояние произведено другим, связывающий их закон я называю законом духа. Когда же непосредственной причиной духовного состояния является какое-либо состояние тела, мы будем иметь закон тела, относящийся к области физических наук».⁵⁶ В свою очередь, законы духа как раз и есть те законы, по которым одно психическое состояние следует за другим и которые должны изучаться психологией, а законы тела исследуются физиологией.

---

⁵⁴ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 632.

⁵⁵ Godden D. M. Psychologism in the Logic of John Stuart Mill: Mill on the Subject Matter and Foundations of Ratiocinative Logic // Journal of the History and Philosophy of Logic. 2005. № 26. P. 115–143.

⁵⁶ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 634.

Законы духа Милль разделял на два типа: те, которые имеют общий характер, и другие – более частные. В первом случае речь идет о так называемом «законе Юма», утверждающим, что всякому впечатлению соответствует некоторая идея, во втором – о законе ассоциации идей, устанавливающим правило: всякая идея имеет своей причиной другую идею или служит причиной для нее. Среди законов ассоциации Милль выделял три основных принципа:

– *Принцип сходства* подразумевает, что сходные идеи стремятся вызывать друг друга;

– *Принцип смежности* утверждает, что впечатления, часто переживаемые одновременно, стремятся вызвать друг друга даже тогда, когда одно из них возникает независимо от другого;

– *Принцип интенсивности* сводится к положению о том, что сила некоторого впечатления имеет такое же значение для ассоциации идей, как и частота повторений в опыте.

Примечательно, что психологические воззрения Милля, которые как указывалось, восходят к ассоцианизму Юма, наилучшим образом отражают конфликт точек зрения, имевших место в научных дискуссиях XIX века. Выступая в одном случае, как сторонник исключительно каузальной психологической науки, Милль высказывается решительно против идеи сведения психологии к физиологии нервной деятельности.

Из настоящего параграфа видно, что проблема психологизма, начав свое развитие в русле вопроса о поиске оснований для философского познания, где таким основанием была выбрана эмпирическая психология, разделилась на ряд внутренних противоречий, в которых уже сама психология, ее предмет и метод, в силу фундаментальных философских разночтений стали поводом для дискуссий. Существует мнение⁵⁷, что так называемый спор о психологизме в немецкой философии, по существу, был следствием не противостояния чистых философов и

---

⁵⁷ Куренной В. А. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос, № 5, 2010, С. 166-182.

психологов, но, скорее, являлся конфликтом двух исследовательских моделей психологии: натуралистической (каузальной) и ненатуралистической (интроспективной и/или интенциональной). Рассмотренные здесь концепции психологизма подтверждают и эту точку зрения. Уже на их примере становится ясно, что психологизм, как новая для XIX века доктрина, не был однородным. Несмотря на это, определяющим для нашего исследования моментом является вопрос другого характера, речь о котором пойдет дальше.

1.3 Философия между логикой и психологией

Как говорилось ранее, своей кульминации спор о психологизме достигает после попытки ряда исследователей обосновать логику посредством методов эмпирической психологии. Однако прежде чем мы обратимся к тезисам и антитезисам дискуссии о психологизме в логике, необходимо исследовать вопрос о теоретико-познавательных предпосылках данного спора. Отчасти ответ был дан в предыдущем параграфе. Теперь же имеет смысл изучить этот вопрос подробнее.

Из § 1.2 следует, что психологизм – это течение философской мысли, в основе которого лежит убеждение, связанное с тем, что значительная часть философских вопросов принадлежат исследовательской области эмпирической психологии. Похожую дефиницию в одной из своих работ предложил Д. Ричардс. Согласно Ричардсу, психологизм – это позиция, заключающаяся в том что, психология принимается в качестве наиболее фундаментальной из наук, которая включает в себя все остальные дисциплины и отрасли познания. В этом смысле, пишет Ричардс, психологизм необходимо включает в себя два отдельных положения:

- (1) (Методологическое) Мы, в конечном счете, должны полагаться на эмпирико-психологические подтверждения теоретико-познавательных принципов.

(2) (Эпистемологическое) Мы никогда не сможем преодолеть субъективные истоки познания. Все знания апостериорны и, по существу, ограничены этим их основанием.⁵⁸

По сути, Ричардс предлагает два критерия, согласно которым доктрина психологизма ориентируется на теоретико-познавательный приоритет субъективного содержания опыта и субъективные методы психологического исследования. Данные критерии, без малого, позволяют нам сформулировать *комплекс психологизма*, состоящего из приоритета:

- реального перед идеальным;
- субъективного перед объективным;
- опытного перед умопостигаемым (рациональным).

Если мы правильно определили концептуальное ядро психологизма, то верно будет предположить, что проблема психологизма укоренена в совокупности фундаментальных оппозиций философского дискурса. В связи с этим можно задать справедливый вопрос: являлся ли спор о психологизме в философии XIX века принципиально новым спором среди тех дискуссий, которые имели место в философии прежде, и если да, то в чем заключалась особенность данного спора?

В § 1.1 отмечалось, что одной из ведущих тенденций в философии девятнадцатого века выступала идеологическая конфронтация с метафизикой. Уже тогда было понятно, что выбранный путь имел в качестве препятствий сумму противоречий, парадоксов и нерешенных вопросов, накопившихся как в метафизике, так и в эпистемологии. Попытка философов полностью отказаться от спекулятивных метафизических предпосылок и сосредоточить свои усилия на проблемах теории познания виделась по большей части трудновыполнимой задачей.

Так немецкий историк философии Э. Целлер считал что метафизика, если ее понимать как априорную дисциплину, которая занимается исключительно чистыми понятиями, никак не связанными с опытом, должна быть, несомненно, оспари-

---

⁵⁸ Richards J. Boole and mill: differing perspectives on logical psychologism // History and Philosophy of Logic. – 1980. – N 1. P. 19–36.

ваема. Вместе с тем следует согласиться, что главная задача метафизики всегда состояла в том, чтобы исследовать предельные границы познания: ведь нет такой науки, которая бы могла всецело обходиться без метафизических предпосылок; любые понятия, представления, сравнения, аналогии, обобщения, любые категории и правила, любые принцип и законы – в общем, все то, что составляет единство той или иной научной теории, является по своей природе метафизическим, поскольку выходит за пределы опыта.⁵⁹

В своем докладе «О значении и задачах теории познания» (1862) Целлер призывает вновь обратить внимание на проблему самоидентификации философии. Философия, по Целлеру, это – прежде всего учение о первичных условиях, при которых человеческий дух способен познать истину. Такая постановка вопроса означает, что перед философией ставятся две основные задачи:

- исследование многообразного в понятии истины;
- изучение происхождения наших представлений.⁶⁰

Исследованием истины должна заниматься эпистемология, а вопросом о происхождении представлений – психология. Одновременно с этим данная дифференциация подразумевает, что между исследовательской проблематикой эпистемологии и психологии должна существовать понятная граница. Как считает Целлер, первый из тех, кому удалось оживить интерес к вопросу о проведении такой границы, был И. Кант.

Известно, что центральной задачей «Критики чистого разума» был поиск ответа на вопрос о возможности трансцендентального/априорного синтетического познания. Свое исследование рубежей эпистемологии Кант начинает с фундаментальных вопросов онтологии и теории познания, которые ставились его новоевропейскими предшественниками: Дж. Локком, Р. Декартом, Г. Лейбницем, Д. Юмом и др. Мыслители Нового времени стремились отыскать источник достоверного познания, выбирая между чувственной и умопостигаемой действитель-

---

⁵⁹ Куренной В. А. Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Философско-литературный журнал "Логос". 2006. № 1 (52). С. 89-102.

⁶⁰ Штумпф К. Указ. соч. С. 117.

стью. Кант же приняв за основу позитивные тезисы эмпиризма и рационализма, предпринимает попытку привести их к теоретико-познавательному и логическому соответствию. В своих рассуждениях он отталкивается от убеждения, что всякое познание возможно лишь в условиях трансцендентального единства чувственных созерцаний и рассудочных понятий, он настаивает: «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы»⁶¹. Строго говоря, ничто, согласно Канту, не может называться знанием из того что называется созерцанием без сопутствующего ему понятия, и – понятием без сопутствующего ему созерцания. Данная позиция с самого начала делает возможным интерпретировать систему Канта самым различным образом. Так В.Н. Брюшинкин отмечает, что разброс мнений относительно того, защищал ли Кант единство психологии и теории познания, либо оспаривал, варьируется от признания последнего психологистом до объявления его чистым антипсихологистом.⁶²

Одной из причин двоякого понимания системы Канта послужили его взгляды на предмет и задачи логики, которую он разделял на общую логику и логику частного применения рассудка. Общая логика, по Канту, делится на чистую и прикладную. Для чистой логики характерно то, что она, отвлекаясь от всякого эмпирического содержания, имеет дело только с априорными принципами познания и формальными условиями применения рассудка. Прикладная логика, наоборот, рассматривает правила мышления при субъективных условиях познания исследуемых психологией. В этой связи спор о том, имела ли под собой критика Канта психологические предпосылки, или нет, чаще всего сводится к двум позициям: за психологизм и против психологизма.

Теория Канта, рассуждали сторонники психологической точки зрения, строится на онтологическом допущении трансцендентального субъекта познания, детерминирующего реальность посредством априорных форм чувственности и рассудка. Поскольку априорные условия являются частью субъективной природы

⁶¹ Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. С. 71.

⁶² Брюшинкин В.Н. Метапсихологизм Канта // Кантовский сборник. Вып. 24. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 65–73.

деятельности сознания, следует полагать, что предметный мир оказывается зависимым от человека и от субъективных условий познания. Согласившись с этим, придется согласиться и с тем, что Кант как-то причастен психологизму. Данную точку зрения как раз отстаивали Ф. Фриз и Э. Бенекке, которые были единодушны в том, что познание не выходит за пределы рефлексивных форм субъективности. Противники психологизма рассуждали иначе, делая акцент на независимость основоположений логики. Кант, утверждали они, обособлял предметное единство чистой логики и исключал возможность того, что ее законы могут каким-то образом рассматриваться *a parte posteriori*. Принципы логики являются частью необходимых условий деятельности рассудка, обнаруживающих себя до всякого опыта, даже более того, делающим возможным этот опыт. Психологию же Кант всецело относил к области эмпирического естествознания, законы которой имеют индуктивное/эмпирическое происхождение. Кант писал: «в логике стоит вопрос не о случайных, а о необходимых правилах – не о том, как мы мыслим, а о том, как мы должны мыслить. Поэтому правила логики следует черпать не из случайного, а из необходимого применения рассудка, которое находят у себя помимо всякой психологии»⁶³. Таким образом, объединив логику с теорией познания, некоторые из неокантианцев выступали с резкой критикой психологизма.

В ключе вопроса о цели и задачах философии проблема соотношения теории познания и психологии, как видно, приобретает характер спора между субъективизмом и объективизмом. Показано, что данная проблема с определенным успехом решается в ту или иную сторону в зависимости от того, какого рода редукционизм будет принят в качестве основания: психологический или логический. Позиция сторонников психологизма сводится к простой, но убедительной формуле: познание есть психологический процесс, следовательно, философия должна строиться на принципах психологии познания. Противники психологизма ссылаются на то, что психология, конечно, может привести нас к некоторым эм-

---

⁶³ Кант И. Трактаты и письма / под ред. А.В. Гулыги. М.: Наука, 1980. С. 322.

пирическим положениям, но она не в силах предложить законы, которые бы, помимо прочего, могли бы выступать в качестве универсальных истин. Однако и в данном случае суть вопроса не имеет завершенной определенности. Выступив с резкой критикой психологизма и положив в основу философии идеи логического редукционизма, сторонники антипсихологизма должны были привести весомые аргументы в пользу того, что уже сама логика никак не связана с психологией.

Принято считать, что пик обсуждения проблемы психологизма происходит после выхода в свет работы Э. Гуссерля «Пролегомены к чистой логике» (1900), которая как раз и была посвящена критике психологистских тенденций в логике. Данный труд послужил отправной точкой для явления, которое современники Гуссерля называли «Psychologismusstreit» (спор о психологизме). Впрочем, среди немецких философов того времени не было консенсуса по вопросу, стоит ли считать аргументы Гуссерля решающими в этом споре и являются ли они оригинальными. Примечательно, что во многих публикациях, являвшихся ответом на работу Гуссерля, доказывалось, что сам Гуссерль по ходу своего опровержения “скапывался” в психологизм.

Подробно исследовав работы, связанные с проблемой психологизма в немецкой философии, М. Куш приходит к интересным научно-социологическим особенностям спора о психологизме. «В это время – пишет он, – вообще сложно отыскать философа, который бы не разделил судьбу Гуссерля. В период с 1870 по 1930 гг. не менее 139 авторов были названы «психологистами», и многие из них более чем в одном тексте».⁶⁴ Также отмечается, что, несмотря на эпизодические положительные либо умеренные характеристики психологизма, большинство случаев упоминания данного термина в научных работах в период «между Штумпфом и Гуссерлем» носят критический и даже негативный характер.

Чем больше авторов обвинялось в психологизме, тем больше расширялось само понятие психологизма и множились варианты его трактовки. Так Куш, на

---

⁶⁴ Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. — 2005. — № 5–6 (35). С. 5.

основе анализа научных работ в период с 1900 по 1930 выделяет варианты приложения психологизма, вот лишь некоторые из них:

– По сферам философии психологизм может быть метафизическим, онтологическим, эпистемологическим, логическим, этическим, эстетическим, социологическим, математическим;

– В соответствии с применением разными философскими школами: эмпирическим, априорным, сенсуалистическим, рационалистическим, эволюционным, трансцендентальным.

– Прочие варианты обозначения психологизма, среди которых он назывался скрытым, обоснованным, односторонним/тенденциозным, экстремальным, осторожным и др.

В этот же период научные публикации в качестве характеристики той или иной формы психологизма обнаруживают такие определения, как «антропологизм», «биологизм», «дарвинизм», «историцизм», «натурализм» и т.п.

Интересно, что некоторые исследователи (например, М. Палагий и В. Вундт) видели в критике психологизма не менее деструктивное для философской мысли явление, а именно излишний «логицизм» или «формализм». По мнению Палагия, логике и эпистемологии угрожал не только психологизм, но также и формалистские тенденции математической логики. А, например, Вундт в отношении спора о психологизме высказывался так: «Psychologism wants to turn logic into psychology, logicism wants to turn psychology into logic»,⁶⁵ утверждая вместе с тем что:

«Современная схоластика в лице таких исследователей как Brentano и Husserl полностью игнорирует достижения современной психологии, выстраивая концепции сознания с помощью логических понятий. И именно по этой причине их попытки отделить логику от психологии, с самого начала обречены на провал».⁶⁶

---

⁶⁵ Kusch M. Op. cit. P. 90.

⁶⁶ Ibid.

Во многом дело осложнялось и за счет отсутствия согласия относительно статуса логики в структуре научного знания. Так Вундт, развивая собственную логико-философскую концепцию, призывает различать в логике две части: «Теорию познания» и «Учение о методе». Первая часть должна исследовать особенности логического мышления с точки зрения реальных субъективно-психологических предпосылок. Вторая часть – учение о методе, изучает логику в ее связи со специальными науками. Выступая на стороне классического понимания логики, Вундт определяет логику как учение о понятиях, суждениях и умозаклчениях, и полагает, что ее основная задача состоит в том, чтобы быть прикладной дисциплиной нормирующей познание. В системе наук логика занимает промежуточное место между психологией и прочими теоретическими дисциплинами. «В то время как отдельные науки, – утверждает Вундт, – ставят своей целью установить фактическую истину, каждая в своей области, логика ищет общие правила мышления, которые применяются в этих исследованиях».⁶⁷ Признавая нормативный характер логических принципов, Вундт вместе с тем выступает против формального подхода: «Если логика стремится подчиняться тем условиям, которым подчиняется всякое научное исследование, то она не может исходить из предпосылки, что формы мышления безразличны по отношению к содержанию познания».⁶⁸ Нормативная же функция логики, как и ее связь с психологией, объясняется Вундтом через селективную функцию науки. Логика, полагает Вундт, до известной степени есть этика мышления, а потому ее правила, как и правила этики должны быть удостоверены практически.

Психологическое исследование, согласно Вундту, само по себе не является частью логики, но служит для нее необходимой теоретической основой. Нельзя удостовериться в истинности законов логики без учета психологических предпосылок. Среди таких предпосылок особое внимание Вундт уделяет двум аспектам: очевидности (*Evidenz*) и общеобязательности (*Allgemeingültigkeit*) логических

---

⁶⁷ Wundt W. Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 1. Erkenntnisslehre. – Stuttgart, 1893. S. 20.

⁶⁸ *Ibid.* S. 5.

принципов. На свойствах очевидности и общезначимости основывается нормативный и предписывающий характер логических принципов. Очевидность принципов логики выражается во внутренней необходимости мышления приписывать своим результатам непосредственную достоверность, а общезначимость устанавливает универсальный характер законов логики. Именно эти два свойства – очевидность и необходимость логического мышления оказываются в центре спора о психологизме конца XIX начала XX веков. Согласившись с тем, что законы логики укоренены в природе мышления и составляют начала всякой рациональности, философы должны были предложить верный способ обоснования логических принципов.

В борьбе за философские основания логики дискуссия о том, являются ли логические принципы связанными с психологией, или же они суть универсальные теоретические истины, предписывающие единственно правильный способ рассуждения, развернулась в уже известном ключе: за психологизм и против. Так философы и логики начинают поиск предельного принципа достоверности логико-теоретических истин. Подробно об этом будет говориться в следующей главе.

Выводы. По результатам настоящей главы необходимо еще раз повторить некоторые моменты:

1. Психологизм зарождается в XIX веке как философское направление, утверждающее первичность реально-психологической действительности перед умозрительным спекулятивным знанием.

2. Движущей причиной возникновения психологизма становится кризис немецкого идеализма, который в условиях фундаментальных научных реформаций трансформируется в кризис самоидентификации философии.

3. С целью решения проблемы самоидентификации философы принимаются за разработку перспективной исследовательской модели, которая бы могла восполнить дефицит валидности. Таким решением, среди прочего, становится установка на эмпиризм и феноменализм.

4. Предполагается, что основанием для философии может стать эмпирическая психология.

5. Ставится вопрос о демаркации психологии и теории познания, где сторонники психологизма отстаивают положение о первичности психологического познания перед философским, противники – считают, что в основе познания лежит чистая рациональность, подчиняющаяся законам логики, которые не могут быть сведены к законом психологии.

В целом, спор о психологизме всегда оценивался разными авторами, независимо от занимаемой позиции, как значимый эпизод в истории философии. Существует множество версий о причинах возникновения данной дискуссии. Современные работы, посвященные феномену «спора о психологизме», среди которых наибольшую цитируемость имеют работы М. Куша, О. Маркварда, и М. Рата, демонстрируют широкий охват вопросов включенных или как-то связанных с проблемой психологизма. Обычно говорится о том, что причины возникновения спора о психологизме имеют двойное происхождение: научно-агументативное и научно-социальное.

Для нашего исследования социальные предпосылки представляются менее интересными. Можно отметить лишь то, что чаще всего к «социальным» причинам спора о психологизме относят противостояние психологов и философов. Так М. Рат⁶⁹ отмечает, что спор о психологизме в немецкой философии следует понимать как следствие процесса институализации психологии. Решающим событием дискуссии о психологизме, по мнению Рата, становится «спор о кафедрах» в Германии 1913 года. События, предшествующие этому конфликту, заключались в том, что экспериментальные психологи стали занимать места философов на университетских кафедрах. Естественным следствием этого стал протест философов, который выразился в инициативе Г. Риккерта выступить с публичным обращени-

---

⁶⁹ Rath M. Psychologismusstreit in der deutschen Philosophie. Freiburg (Bresgau) / München: Alber, 1994.

ем в защиту философии. Под данным обращением подписались порядка 107 философов.

Впрочем, никакие научно-социальные противоречия, скорее всего, не могли бы объяснить того резонанса, который вызвал спор о психологизме среди академических философов, если бы он не содержал аргументативной основы.

Глава 2 Проблема психологизма в философии логики

Темой данной главы станет вопрос о конструктивных и проблематических аргументах спора о психологизме в логике. Для того чтобы в полной мере раскрыть данный вопрос понадобится:

- 1) рассмотреть тезисы доктрины логического психологизма, уделив особое внимание различным трактовкам данного подхода, не только имевшим место в конце XIX начале XX вв., но и тем, что представлены в современной логико-философской литературе;
- 2) изучить классические аргументы концепции логического антипсихологизма в работах Г. Фреге и Э. Гуссерля.

В итоге,

- 3) сформулировав основные положения дискуссии психологизма и антипсихологизма в логике, станет возможным сопоставить сумму критических и перспективных следствий данных позиций.

2.1 Логический психологизм: основные положения и версии

Ранее уже говорилось, что дискуссия о психологизме в философии XIX века была сосредоточена вокруг вопроса о первичных исследовательских предпосылках теории познания, где сторонники психологизма настаивали на приоритете эмпирико-психологических оснований, а критики отрицали возможность этого, заявляя о первичности объективно-логического содержания познания перед субъективно-психологическим. Таким образом, кульминацией спора о психологизме становится проблема дисциплинарных границ эпистемологии, а предметом – соотношение логики и мышления.

Одной из попыток решения данной проблемы как раз и стала концепция логического психологизма.

В широком смысле, логический психологизм (ЛП) – это логико-философская доктрина, утверждающая, что логика является особой отраслью психологии, а логические законы суть законы естественного мышления, установление которых должно происходить эмпирическим путем – посредством наблюдения и индукции.⁷⁰ Основная посылка ЛП заключается в том, что логика – наука о мышлении; мышление – психический процесс; психические процессы принадлежат предмету психологии, следовательно, логика – психологическая дисциплина.

В философии логики проблема психологизма складывается из двух центральных вопросов:

- (1) вопроса о философских основаниях и онтоэпистемологическом статусе логики, и
- (2) вопроса о взаимосвязи основоположений логики с реальной практикой мышления.

Согласно позиции ЛП, ответ на первый вопрос заключается в том, что логика

– это дескриптивная наука в составе психологии, и законы логики являются эмпирическими обобщениями фактов индивидуального мышления; на второй,

– что всякая практика логического правилоприменения является реализацией естественного мышления и не выходит за его пределы.

Было сказано, что программа психологизма уже на этапе своего становления не была однородной. Отсутствовало единство интерпретаций и внутри доктрины ЛП.

В современной философской литературе со ссылкой на С. Хаак⁷¹ говорится о том, что целесообразно различать две версии логического психологизма: сильную (strong) и слабую (weak). Основой для такой дифференциации в рассуждени-

---

⁷⁰ Антух Г. Г. К вопросу о психологизме: проблема логического правилоприменения // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4(32). С. 151–158.

⁷¹ Haack S. *Philosophy of Logics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

ях Хаак становится оппозиция дескриптивной и нормативной функций познания. Сильная версия психологизма характеризуется тем, что логика в нем выполняет дескриптивную функцию, описывая реальные процессы мышления, а слабая – не исключая связи логики с мышлением, признает ее предписывающий характер. Как видно сильная версия психологизма соответствует тому определению, которое было приведено выше: в нем логика это дескриптивная наука о процессах мышления, а ее законы суть обобщения этих процессов. В тоже время, слабая версия психологизма по Хаак допускает, что законы логики по отношению к мышлению выполняют нормативную функцию, что само по себе может показаться противоречивым, поскольку именно на нормативности принципов логики, как будет показано в следующем параграфе, настаивали сторонники антипсихологизма. В интерпретации В. Н. Брюшинкина⁷² идея нормативности логики в слабой версии психологизма у Хаак заключается в следующем: если мы допускаем истинность логического вывода q из p , то стоит полагать, что умозаключение субъекта от p к q никогда не будет ложным. Однако такое решение проблемы нельзя считать удовлетворительным. Допустим, верно, что некоторое убеждение, заключающееся в переходе от q к p , совпадает с результатом логического вывода q из p , следует ли в таком случае, что истинное умозаключение субъекта является результатом предписания логического правила? Вероятнее всего, нет. Понятно, что логика тут служит лишь в качестве инструмента для проверки результатов мышления, осуществляя ревизию умозаключения *post factum*. Получается, что реальные процессы мышления никак не связываются с логикой, более того, самим логическим принципам в мышлении ничего не противопоставляется. Как тогда логика с учетом того, что ее законы укоренены в мышлении, может осуществлять свою нормативную функцию, неизвестно. Можно только согласиться с Брюшинкиным и сказать о том, что слабая версия психологизма не является собственно версией психологизма, а скорее наоборот.

---

⁷² Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 41.

Несмотря на то, что дифференциация Хаак выглядит спорной, она все же не лишена оснований. И если с теоретической точки зрения деление психологизма на сильную и слабую версию кажется не оправданным, то быть может данная дифференциация имеет исторические корни?

Обычно когда речь заходит о представителях движения ЛП в философии XIX века указывается, что его ядро составляли такие исследователи как Дж. Ст. Милль, Х. Зигварт и Т. Липпс.

По мнению Д. Пассмора, публикация первого издания «Системы Логики» Милля в 1843 знаменует собой естественную границу («natural boundary»), отделяя эпоху нового философского подхода от предрассудков прошлого. Особый интерес к теории Милля появляется именно тогда, когда спор о психологизме в немецкой академической среде достигает своего пика. Философские труды Милля предшествовали работам его критиков Г. Фреге и Э. Гуссерля. Но даже эти выдающиеся исследователи не были единодушны в том, в какой степени логика Милля может быть отнесена к программе ЛП.⁷³ С одной стороны, имеются прямые свидетельства, указывающие на то, что Милль называл логику психологической дисциплиной и, как думается, разделял позицию психологизма. Например, в полемической работе «An Examination of sir W. Hamilton's Philosophy» (1865), вышедшей в свет немногим позже «Системы логики», Милль недвусмысленно заявляет:

«В той мере, в какой она [логика] есть наукой вообще, она есть ветвь или отрасль психологии; она отличается от нее, с одной стороны как часть отличается от целого, с другой стороны как искусство отличается от науки. Её теоретические основания целиком заимствованы из психологии».⁷⁴

⁷³ Skorupski J. Mill on Language and Logic // Cambridge University Press. Cambridge: 1998. P. 35-56.

⁷⁴ Mill J. S. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy. – London and Toronto: Routledge and University of Toronto Press. 1979. P. 359.

В то же время существует множество интерпретаций⁷⁵ теории Милля, в которых его логика трактуется как в пользу психологизма, так и против него, поэтому целесообразно обратиться к логике Милля непосредственно.

Логика, пишет Милль: «есть наука об отправлениях разума, служащих для оценки очевидности; она есть учение как о самом процессе перехода от известных истин к неизвестным, так и о всех других умственных действиях, поскольку они помогают этому процессу».⁷⁶ Познание истины, утверждает Милль, имеет двойную природу, а именно прямое и опосредованное, где первые истины составляют содержание сознания и/или интуиции, а вторые есть результат вывода. В силу этого необходимо различать логику как науку и как искусство (методологию); задача логики как науки состоит в исследовании самых первых элементов сознания/мышления через «анализ умственного процесса, происходящего всякий раз, как мы умозаключаем», а логика как искусство определяет «основанные на этом анализе правила, имеющие своим назначением руководить этим процессом».⁷⁷ Объем логики как науки полностью определяется ее потребностями как искусства, которая в свою очередь объединяет правила практического применения мышления в его связи с законами логики. Теперь необходимо разобраться: каким образом Милль связывает законы логики с мышлением. Возьмем для примера один из наиболее общих принципов логики, а именно закон непротиворечия.

По Миллю закон непротиворечия отражает действительную закономерную природу деятельности мышления, которая укоренена в структуре самой реальности доступной нам посредством наиболее привычных и ближайших обобщений из опыта. Для прояснения этого, полагает он, достаточно обратиться к простейшим наблюдениям: «...свет и тьма, звук и тишина, движение и покой, равенство и неравенство, предыдущее и последующее, последовательность и одновременность и вообще всякое положительное и соответствующее ему отрицательное явление, представляют собой факты различные, стоящие в резкой противоположности друг

⁷⁵ См.: Hartman J. B., 1967. McGraw H., McNamara J. A., 1986. Kneale W., Kneale M. 1962.

⁷⁶ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 67.

⁷⁷ Там же. С. 62.

с другом; одного из них всегда не бывает налицо, раз присутствует другой». ⁷⁸ Незменным критерием удостоверения истинности того или иного положения дел служит неспособность/невозможность представить его себе ложным, а потому для высказывания к примеру «Светит солнце», доказательством истинности служит твердая убежденность в том, что оно действительно светит. Если я чувствую холод, рассуждает Милль, я признаю это истинным уже потому, что я не могу представить себе, чтобы я не чувствовал холода. И именно это, по мнению английского философа, предшествует действительной аксиоме непротиворечия.

О чем-то похожем писал Г. Спенсер, утверждая: «никакое положительное состояние сознания не может появиться, не исключив соответствующего отрицательного, и, наоборот, никакое отрицательное состояние не может появиться, не исключив соответствующего положительного» ⁷⁹. Спенсер приводил такой пример. Если попытаться представить себе некоторый предмет сначала красным, а затем не красным, то наверняка противоположные акты представления «красного» и «некрасного» будут исключать друг друга, т.е. представляемый предмет не может быть красным и не красным одновременно. По существу, и Милль и Спенсер видят в законе непротиворечия наиболее общий усматриваемый повсеместно и обнаруживающий себя в опыте индивидуальной интроспективной практики закон. Разница лишь в том, что для первого мыслителя данный закон основывается на взаимоисключающих актах веры (belief), а для второго – на актах представления, т.е. на свойстве сознания к взаимоисключению некомплементарных актов представления. Но главным в этом вопросе является нечто другое. А именно, что всякая убежденность в истинности некоторого положения дел существует только лишь за счет немыслимости ⁸⁰ отрицания этой убежденности, потому как немыслимость отрицания чего-то становится логическим обоснованием этой самой

---

⁷⁸ Милль Дж. Ст. Указ. соч. С. 237.

⁷⁹ Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова.– М.: Академический проект, 2011. С. 83.

⁸⁰ «Немыслимость» в данном случае, стоит понимать, как невозможность быть уверенным в чем-либо, но не как то, о чем нельзя мыслить, в прямом смысле слова.

убежденности. Если отрицание той или иной убежденности немыслимо, то есть все основания говорить о константности этой убежденности и неизменном сопутствии немыслимости его отрицания. Тут-то и зарождается фундаментальное основание для того, что называется законом непротиворечия, устанавливающим помимо всякой необходимости правило, согласно которому следует мыслить так, а не иначе. В каждом акте мышления немыслимость отрицания объекта, относительно которого существует известная убежденность, служит свидетельством истинности данной убежденности; очевидная всеобщность данного принципа в каждом наблюдаемом явлении подтверждает его достоверность. Таким образом, законы логики, согласно Миллю, представляют собой обобщения опыта индивидуального мышления, а их достоверность усматривается непосредственно из самой способности судить о том или ином положении вещей.

По всему видно, что логика для Милля, есть фундаментальная наука о формах и способах умозаключений, законы которой укоренены в природе самого мышления или способности суждения. Основная задача логики заключается в том, чтобы на основе анализа процессов мышления и процедуры вывода быть практическим руководством в познании. Схожую точку зрения на предмет и задачи логики имел и Х. Зигварт.

Свое учение⁸¹ Зигварт начинает с вопроса о существовании науки, которая бы могла руководить мышлением в процессе [научного] познания таким образом, чтобы ее положения, помимо прочего, были бы достоверными и общезначимыми. Но если естественные условия, в которых наше мышление каждый раз приводит нас к тем или иным выводам не гарантируют этого, то возникает задача определить те условия, при которых данная цель могла бы быть достигнута. Поставив данную цель, Зигварт определяет логику как техническое учение о мышлении, которое исследует достоверные и общезначимые положения, т.е. истины. «Высшая задача логики, составляющая вместе с тем ее действительную сущность, —

---

⁸¹ Зигварт Х. Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе / Пер. с нем. И.А. Давыдова. — М.: Территория будущего, 2008.

утверждает Зигварт, – быть практическим руководством».⁸² Разделяя позицию большинства своих современников-логиков, Зигварт придерживается мнения, что законы логики не есть случайные эмпирические обобщения, но по своей сути являются необходимым условием логического правилоприменения, без которого не может существовать никакая рациональность. Согласно данному убеждению Зигварт выделяют два вида необходимости в логическом правилоприменении: собственно логическую и психологическую. Логическая необходимость берет начало в содержании мышления, но не объясняется им, поскольку имеет дело исключительно с объектами умозаключений. Тут Зигварт проводит четкое различие между субъективно-психологическим и объективно-логическим содержанием мышления и указывает на то, что сами по себе индивидуализированные ментальные акты имеют субъективную природу, а потому – изменчивый характер. Однако мышление может быть объективировано посредством высказываний и суждений, которые связывают реальное мышление и правила логики. Именно в силу того, что высказывание устанавливает связь логики с мышлением, возникает то, что называется психологической необходимостью логического правилоприменения, где сознание достоверности собственных выводов оценивается как истинное в том случае, если результат логического вывода оказывается комплементарным его сознанию.

Становится понятно, что в своей концепции Зигварт отстаивает нормативно-психологический подход в обосновании логики. Нельзя исключать, что такое решение как раз и соответствует идее weak-версии психологизма по Хаак. Впрочем, противоречие, которое заложено в самой формулировке weak-версии, находит себя и у Зигварта. Ведь если некоторая истина признается очевидной лишь после того как сознание результата логического вывода будет соотнесено с ожиданием его достоверности, то верно полагать, что никакого нормирования логического правилоприменения не происходит, а происходит ревизия результатов мышления. Другое противоречие в подходе Зигварта мы находим в неясной дифференциации

---

⁸² Зигварт Х. Указ. соч. С. 46.

логической и психологической необходимости – по сути, они настолько тесно связаны друг с другом, что в некоторых случаях оказываются трудноразличимыми. Так логическая необходимость, являясь непременно осознанной, подтверждается ожиданием достоверности, т.е. психологической необходимостью, которая может быть как осознана, так и не осознана. Отсюда получается, что логическая необходимость есть то же, что и психологическая. Таким образом, логика Зигварта, как и логика Милля устанавливает для себя основную задачу – быть практическим руководством теоретического познания; логика тут не просто техническое учение о правилах мышления, но методология науки, законы которой не могут иметь случайный характер. Впрочем, признавая объективность логических принципов, оба исследователя вместе с тем склоняются к тому, что логическим принципам в основе их собственной достоверности может быть противопоставлен лишь субъективно-психологический способ обоснования. Условно подход Милля и Зигварта может быть отнесен к weak-версии психологизма. Более радикальную концепцию логического психологизма мы находим у Т. Липпса.

Если для В. Вундта логика представлялась своеобразной этикой рационального познания, то Липпс был убежден, что логика есть не что иное как физика мышления. Прежде всего, Липпс отрицает нормативистский подход к трактовке законов логики и полагает что законы “правильного” мышления являются таковыми только потому, что таковым является мышление. На этот счет Липпс пишет:

«...те правила, которым надо следовать, чтобы мыслить правильно, есть не что иное, как правила, следуя которым мы мыслим так, как этого требует своеобразие мышления, его особая закономерность; короче говоря, они совпадают с естественными законами самого мышления. Логика есть физика мышления, или же логика вообще не существует».⁸³

Критическое отношение Липпса к логико-нормативистскому подходу приводит его к убеждению, что логика может быть исключительно психологической дисци-

---

⁸³ Лемешевский К.В. Психологизм в логических учениях концинистов: Христоф Зигварт, Вильгельм Вундт и Теодор Липпс // РАЦИО.ru. 2013. № 9. С. 171.

плиной. «Логика, – пишет он, – есть дисциплина психологическая, так как знание бывает лишь в душе, и мышление, завершающееся знанием, есть процесс психический».⁸⁴ Одновременно с этим Липпс понимает, что предмет психологии мышления и предмет психологии “правильного” мышления не есть одно и то же. Психология, рассуждает он, не обращает внимания на противоположность между знанием и заблуждением, но из этого не следует, что она не различает эти психические состояния и считает их однородными, это может означать лишь то, что психологии надлежит в равной степени исследовать оба процесса. Задача же логики в качестве отрасли психологии состоит в том, чтобы исследовать отношения между знанием и заблуждением.

Гносеология Липпса строится на утверждении двух бытийных регионов: мира объектов и мира субъектов, где субъект познания имеет возможность сознавать как субъективность, так и объективность. Сознание субъективности требует от субъекта познания исключительно воли к известному акту осмысления, а сознание объективности предполагает, что к каждому интенциональному акту помимо его непосредственного содержания присоединяется некоторое представление. В основе сознания объективности лежит способность к двоякого рода осмыслению, которое может быть материальным или формальным. Сознание формальной объективности совершается особым образом и заключается в сознании того, что помимо собственно предмета сознания независимо от того, представляется ли он действительно объективным или нет, необходимо следует присоединение другого предмета. В связи с этим, Липпс полагает, что если всякому сознанию формальной объективности необходимо сопутствует неустранимая постоянная некоторого представления, то главной особенностью формального знания является безусловная необходимость в процессе познания. К области формальной объективности, по Липпсу, как раз и относится логика.

---

⁸⁴ Липпс Т. Основы логики. – СПб., 1902. С. 1.

Можно говорить о том, что в отказе рассматривать логику в качестве нормативной науки, предписывающей мышлению правила рассуждения, Липпс занимает противоречивую позицию. С одной стороны, он убежден, что логика – это психологическая дисциплина, и отыскание ее законов, соответственно, есть задача психологического исследования, с другой – показано, что Липпс относит логику к области объективного знания, а логическое правилоприменение для него является частью логической необходимости. Априорный характер логической необходимости для Липпса очевиден так же как для И. Канта, который, как указывалось ранее, четко различал [чистую] логику и психологию, настаивая на том, что законы логики не имеют ничего общего с законами эмпирической психологии. Сам Липпс, кажется, был твердо убежден в единстве логики и психологии, а вопрос о проведении границ между этими науками не считал принципиальным. «Именно тем, что логика есть особая дисциплина психологии, оба эти понятия достаточно ясно разграничиваются».⁸⁵

По итогам параграфа имеет смысл обобщить вышесказанное. Во-первых, разные варианты психологизма от автора к автору имеют свои особенности и нельзя говорить о какой-то единой методологической доктрине, которая бы имела общепринятый концептуальный каркас. Налицо три различных подхода: эмпирико-психологический (Дж.Ст. Милль), нормативно-психологический (Х. Зигварт) и априорный логико-психологический (Т. Липпс). Во-вторых, несмотря на множество интерпретаций и определений психологизма, а также отсутствие консенсуса относительно принадлежности конкретных логико-теоретических учений к числу доктрин ЛП, ясно одно – каждая из рассмотренных нами концепций, в той или иной форме устанавливает индуктивную связь логики с мышлением.

---

⁸⁵ Липпс Т. Указ. соч. С. 2.

2.2 Критика логического психологизма у Г. Фреге и Э. Гуссерля

Широкое распространение идей психологизма в философии XIX века нашло скептический отклик со стороны *чистых* философов и логиков. Предполагалось, что если допустить справедливость основных тезисов ЛП, то под угрозой релятивизации окажутся как основоположения логики, так и базовые принципы математики. Для защиты точных наук от вмешательства эмпиризма и натурализма, рядом исследователей предпринимается попытка критического осмысления ЛП, в результате чего зарождается движение антипсихологизма, лидерами которого принято считать Г. Фреге и Э. Гуссерля.

В общих чертах, логический антипсихологизм (АП) – это логико-философская доктрина, являющаяся антитезой ЛП и утверждающая, что логика есть независимая от психологии, априорная теоретическая наука. Главным контраргументом позиции АП является то, что психология – это наука о фактах психики или о фактах субъективного и/или объективного содержания опыта; факты опыта сообразуются с теоретическим положением (законом) посредством индукции; индуктивные законы носят вероятностный характер; следовательно, логико-психологические законы также вероятностны и недостоверны; в таком случае всякое познание носит скептико-релятивистский характер, в том числе и психологическое. В связи с этим, АП ставит перед собой цель обоснования логики в качестве объективной теоретической науки и включает в себя два противоречивых ЛП тезиса, а именно:

- что логика является нормативной, независимой от психологии дисциплиной, законы которой должны усматриваться в качестве самоочевидных истин, и
- что необходимость логического правилоприменения коренится в содержании логических законов, непосредственно нормирующих познавательную деятельность.

В литературе нет единого мнения относительно того, можно ли рассматривать антипсихологизм Фреге и Гуссерля в контексте единой доктрины. Несмотря на то, что «Основоположения арифметики» (1884) Фреге, в которых автор осуществляет последовательную критику ЛП, были опубликованы немногим ранее известной работы Гуссерля, но именно последнему, как полагается, удалось поставить точку в полемике против психологизма. Существует мнение, что аргументы Гуссерля полностью повторяют аргументы Фреге, и поэтому с большей вероятностью Гуссерль просто заимствовал их. Имеет место и другое мнение, где хоть и признается, что оба автора использовали аналогичные аргументы, но они, как указывается, ставили перед собой несколько разные задачи. Говорится и о том, что в своих «Пролегоменах к чистой логике» (1900) Гуссерлю на основе все тех же аргументов удалось прийти к наиболее фундаментальным философским выводам, а именно редуцировать разные формы психологизма до скептицизма и релятивизма, тем самым показав несостоятельность программы ЛП. Во всяком случае, перед нами не стоит задачи исследовать различия внутри доктрины АП, наоборот, мы постараемся упорядочить и обобщить антитезисы психологизма для того чтобы составить ясное представление о целях и задачах, которые ставили перед собой представители АП.

Антипсихологизм Г. Фреге. Еще Г. Лейбниц обратил внимание на связь логики и математики, но только в XIX веке за счет усилий А. де Моргана, Д. Булля и Э. Шредера, появилось осознание непосредственного единства логико-математического знания. Алгебраическая интерпретация логических принципов, предложенная Буллем, создает предпосылки для разработки математической логики, нашедшей свое завершение в работах Шредера. Предметом математической логики становится область оснований математики, где среди главных вопросов ставится проблема обоснования математического доказательства в целом, и проблема доказуемости высказываний математики в частности. Однако такая постановка вопроса с самого начала скрывала в себе противоречие: получалось, что логика, будучи разделом математики, должна была помимо прочего, оправдывать

справедливость основоположений самой математики. Решение данной проблемы как раз и было предложено Г. Фреге в своей исследовательской программе, получившей название «логицизм».

Суть работы, предпринятой Фреге, состояла в том, чтобы доказать возможность сведения базовых принципов математики к принципам логики. Прежде всего, программа логицизма постулирует два основных положения:

- (1) все понятия арифметики могут быть сведены к понятиям логики, и соответственно, для всех предложений арифметики должна иметься возможность быть преобразованными в предложения логики;
- (2) для всякой истины арифметики должна существовать известная истина логики.⁸⁶

Для обоснования своих тезисов Фреге следовало переосмыслить два основных направления в философии логики того времени: формализм и психологизм. Нас в большей степени интересует фрегевский подход к критике психологизма.

«Эстетика, – пишет Фреге, – соотносится с прекрасным, этика – с добром, а логика – с истиной»⁸⁷. И если истина, рассуждает он, есть цель всякой науки, то для логики истина есть то же что для физика тяготение. Задача логики состоит в познании законов истинности. Далее Фреге уточняет:

«Когда мы говорим о законах нравственности или законах определенного государства, мы имеем в виду правила, которым необходимо следовать, но с которыми происходящее в действительности не всегда согласуется. Законы же природы отражают общее в явлениях природы; следовательно, все, что происходит в природе, всегда соответствует этим законам. Именно в этом последнем смысле я и говорю о законах истинности».⁸⁸

Определив логику как науку о законах истинности, Фреге приходит к выводу, что само понятие истинности как свойство может быть приписано не всем объектам.

⁸⁶ Фреге Г. Основоположения арифметики. – Томск: Водолей, 2000

⁸⁷ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 18.

⁸⁸ Там же.

Нельзя, полагает Фреге, приписать какое-либо свойство предмету без того чтобы не признать истинной мысль, что данный предмет это свойство имеет. А потому всякое впечатление или представление может быть объективировано в суждении, смысл которого мыслится нами независимо от субъективной природы нашего мышления. Значит, единственно чему может быть приписана истинность, так это мысли – внесубъективной и вневременной, охватывающей область идеальных значений/смыслов. К примеру, сам по себе Кельнский собор как физический факт не может быть истинным или не истинным, но моя мысль, допустим, о том что «Кельнский собор есть» уже может быть истинной. «Мысль – пишет Фреге, – это нечто внечувственное, и все чувственно воспринимаемые объекты, должны быть исключены из той области, в которой применимо понятие истинности».⁸⁹ Одно то, что разные люди, схватывая смыслы, формулируют одну и ту же мысль совершенно одинаково, говорит в пользу ее объективности. Так в своих рассуждениях Фреге проводит границу между субъективно-психологическим и объективно-логическим содержанием мышления, а значит, четко различает логику и психологию. Однако для реализации программы логицизма Фреге требовалось справиться с предрассудками другого характера. Главная задача состояла в том, чтобы доказать возможность онто-гносеологической комплементарности логики и первых начал математики. И если логика, исследуя сферу идеальных значений, опирается на аналитико-дедуктивный способ познания, то следовало показать, что и математика также принадлежит области чистой рациональности.

Со времен И. Канта считалось, что математика является синтетической дисциплиной, а подтверждение математических истин в познании невозможно без привлечения чувственных созерцаний. В известном примере Канта говорится следующее:

«На первый взгляд может показаться, что положение $7 + 5 = 12$ чисто аналитическое [суждение], вытекающее по закону противоречия из понятия суммы семи и пяти. Однако, присматриваясь ближе, мы находим,

---

⁸⁹ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 22.

что понятие суммы 7 и 5 содержит в себе только соединение этих двух чисел в одно и от этого вовсе не мыслится, каково то число, которое охватывает оба слагаемых. Понятие двенадцати отнюдь еще не мыслится от того, что я мыслю соединение семи и пяти; и сколько бы я ни расчленял свое понятие такой возможной суммы, я не найду в нем числа 12. Для этого необходимо выйти за пределы этих понятий, прибегая к помощи созерцания, соответствующего одному из них, например своих пяти пальцев».⁹⁰

Первым делом Фреге берется за аналитическую дефиницию понятия числа. В несколько упрощенной форме такое определение у Фреге дается за счет идеи об однозначном взаимном соотношении предметов, составляющих объем того или иного понятия:

«Число, соответствующее понятию F, равно числу, соответствующему понятию G, если существует отношение, которое взаимно однозначно соотносит предметы, подпадающие под F, с предметами подпадающими под G».⁹¹

Однако определение, предложенное Фреге, содержало изъян, заключающийся в отсылке к сведениям опыта, а потому не могло считаться чисто аналитическим.⁹² Для того чтобы исправить данный недостаток, Фреге предлагает строго аналитическое определение числа 0, в котором определяет его как число соответствующее понятию «не равное себе». Не трудно заметить, что определение предмета через отрицание его тождества самому себе, где $A \neq A$, является аналитически ложным высказыванием. Если определение «не равного себе» является ложным, то, разумеется, нет ни одного предмета, который бы составлял его объем, потому что не существует ни одного предмета, который бы мы могли мыслить не равным себе без нарушения закона тождества. Получается, что ноль есть число, описывающее

⁹⁰ Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. С. 39.

⁹¹ Фреге Г. Основоположения арифметики. – Томск: Водолей, 2000. С. 7.

⁹² Ладов В.А., Эннс И.А. Аналитическое определение числа, парадокс Рассела и теория типов // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2(18). – С. 13–20.

совокупность предметов, подпадающих под понятие «не равное себе», а если таких предметов нет, то нет ни одного предмета, подпадающего под определение нуля.

Далее для того, чтобы показать аналитический способ обоснования натурального числового ряда, Фреге необходимо было определить число 1 , как число, следующее непосредственно за 0 . Число 1 Фреге определяет как соответствующее понятию «равное 0 », под которое подпадает только один предмет, а именно число 0 . Однако, число 0 , определенное ранее, подпадает под понятие «равное, но не равное 0 », под которое не подпадает, ни один предмет, следовательно, число, соответствующее понятию «равное 0 » есть число, следующее в натуральном ряду сразу за 0 .⁹³ Таким образом, Фреге удастся обосновать возможность аналитического определения числа и тем самым приблизиться к доказательству тезисов логицизма.

Отдельной критической аргументации требовала эмпирическая теория абстракции, которую, в частности, отстаивал Дж. Ст. Милль.

Из всех предложений, какие могут быть представлены в языке, Милль выделяет пять предельных форм утвердительных высказываний, в которых сообщается о существовании, положении в пространстве, порядке во времени, причинной связи или о сходстве. Учитывая то, что первой установкой концепции Милля выступает положение о единообразии природы и полной причинной зависимости наблюдаемых явлений, цель всякой науки состоит в том, чтобы устанавливать законосообразность в единообразии. Когда те или иные обстоятельства не позволяют подвергнуть явление прямому изучению, нам приходится судить о них при помощи умозаключений, демонстрирующих нам принцип единообразия в фактах сходства и различия. «Самые широкие из таких законов или единообразий, – пишет Милль, – это те, которые нам дает математика: аксиомы относительно равен-

---

⁹³ Фреге Г. Указ. соч. С. 50.

ства, неравенства и пропорциональности, а также различные теоремы, на них основанные».⁹⁴

Свое определение числа Милль черпает из элементарных аксиом о равенстве и неравенстве. Такими истинами, среди прочего, являются следующие положения: «вещи, равные одной и той же вещи, равны между собой», «от прибавления равных величин к равным получаются равные суммы» и т.д. Подобные положения, пишет Милль, состоят из двух элементов: из объяснения наименования и из утверждения факта. Факт, утверждаемый в определении числа, есть физический факт, а потому «Все числа – два, три, четыре и т.д. – означают какие бы то ни было физические явления и обозначают некоторое физическое свойство этих явлений».⁹⁵ Допустим, число 2 означает все пары вещей, а 12 – все дюжины, что делает комплексы этих вещей парами и дюжинами. Из того что число всегда есть следствие обобщения физических фактов, становится понятной его природа, ведь два яблока всегда физически отличаются от трех, и нельзя отрицать того, что данный факт доступен нам посредством наблюдения. Последовательность, согласно которой то или иное число следует за другим, считает Милль, зависит от свойств агломерата вещей и того способа, каким данная совокупность сложена из своих частей: «Когда мы называем известную совокупность предметов двумя, тремя или четырьмя, то это – не абстрактные два, три или четыре; это – две, три или четыре вещи того или другого особого рода: камни, лошади, дюймы, весовые фунты».⁹⁶ Наименование числа, в таком случае, обнаруживает тот способ, при помощи которого соединяются отдельные предметы отдельного рода и создают известный агломерат вещей. Если данная совокупность состоит, к примеру, из яблок, и мы называем ее «двумя», то для составления данного агломерата потребуется, чтобы к одному яблоку было прибавлено еще одно. Существует множество способов образования чисел, но если нам известен хотя бы один из способов, то

---

⁹⁴ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. / Предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 461.

⁹⁵ Там же. С. 463.

⁹⁶ Там же. С. 464.

все остальные числа могут быть определены дедуктивно. К примеру, если нам известно, что: $6 = 4 + 2$, $4 = 7 - 3$, $7 = 5 + 2$, а $5 = 9 - 4$, то не составит труда определить, как 6 образуется из 9. Положим, $6 = 4 + 2 = 7 - 3 + 2 = 5 + 2 - 3 + 2 = 9 - 4 + 2 - 3 + 2$. Таким образом, отнимая от *девяти* 4 и 3, и прибавляя 2 и 2, мы получаем 6.

Критика миллевской точки зрения на природу числа и предложений арифметики у Фреге состояла из нескольких принципиальных моментов. Во-первых, соотнесение числовых значений с фактами опыта до известной степени может быть затруднительным. Вряд ли возможно соотнести какой либо физический факт или наблюдаемое явление с числом 47^9 , $\sqrt{-1}$ или 0. Во-вторых, даже если предположить, что для всякого числа существует известная убежденность, где числовому значению соответствует известный физический факт, то нет никаких оснований полагать, что разные люди будут соотносить данный феномен с необходимым значением числа. Таким образом, эмпирический подход ставит базовые принципы исчисления в зависимое положение от субъективно-психологических условий познания. Ведь и равенство $1 = 1$, согласно Миллю, может быть ложным, потому как не всегда одна монета будет равной другой с точки зрения их физических характеристик, поскольку и вес, и размер их в действительности может быть различным. И наконец, в-третьих, если верно, что для каждого высказывания математики необходимым условием, подтверждающим его истинность, служит внутренняя убежденность, заключающаяся в способности соотносить наблюдаемые явления через равнозначное взаимопределение, то верно и то, что всякий раз данное соотношение будет носить вероятностный характер. Иными словами, субъективизм в определении числовых отношений создает условия для релятивизации способов исчисления, что сводит истины арифметики до вероятностных положений.

Чистая логика Э. Гуссерля. На рубеже XIX-XX вв. Э. Гуссерль предпринимает попытку обосновать тезис о принципиальной независимости предмета и

метода логики от психологии. В своей критико-аналитической работе⁹⁷ он ставит задачу разрешения проблемы демаркации онтологических и теоретико-познавательных границ между субъективными реально-психологическими предпосылками познания и объективным идеально-логическим содержанием мышления. Центральным выводом Гуссерля становится положение о фундаментальном различии психологии как эмпирической науки о фактах мышления, и чистой логики как теоретической дисциплины об объективных законах и идеально-сущностных закономерностях, лежащих в основе всякого познания.

Итак, согласно концепции Гуссерля, логика есть независимая от психологии априорная теоретическая дисциплина, а ее предметом является идеальное единство объективных логико-теоретических истин. Цель логики состоит в исследовании первичных понятий, предельных значений, коренящихся в структуре чистой рациональности априорного познания. Если психология, по Гуссерлю, есть эмпирическая наука, устанавливающая общие вероятностные положения о фактах психики/мышления, то логика как априорная дисциплина развивает универсальные положения, которые с самоочевидной достоверностью основываются на родовых понятиях. Объем общих понятий логики есть совокупный объем низших видовых различий, утвержденных в идеальной структуре родовидового многообразия логико-теоретических положений.

В силу аналитико-дедуктивного/априорного происхождения положений чистой логики, их достоверность, по Гуссерлю, является очевидной и непреложной. Первостепенная функция логики заключается в том, чтобы быть практическим руководством к теоретическому познанию и посредством своих законов осуществлять нормирование познавательной деятельности. Предписывающая функция логики распространяется не только на теоретическое знание отдельных наук, но и на самое себя, т.е. логика является самозакондательной дисциплиной,

---

⁹⁷ Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова.- М.: Академический проект, 2011. С. 83.

не требующей дополнительного обоснования. Поясняя данную особенность логики, Гуссерль рассуждает следующим образом.

Во всяком познании и соответственно во всякой отдельной науке, утверждает он, необходимо учитывать основополагающее различие между тремя родами связей:

- (1) связь переживаний в познании, т.е. связь психических и психологических аспектов субъективной стороны познания;
- (2) связь предметов и вещей, представляющих теоретическое единство конкретной области познания;
- (3) логическая связь – связь, устанавливающая единство теоретических истин сообразно идеальной структуре объективных логико-теоретических положений.

Все три вида связи *de facto* представляют собой неразрывную тождественную действительному познанию форму познавательной деятельности. Однако различия, лежащие в основе каждой отдельной связи, указывают на разницу в их происхождении, а, следовательно, и способе обоснования. Гуссерль пишет: «В случае физики, например, мы различаем связь психических переживаний существа мыслящего о физическом от физической природы, познаваемой им, и обе эти связи в свою очередь – от идеальной связи истин в физической теории, например аналитической механики, теоретической оптики и т.п.»⁹⁸ Как видно, логическая связь, по Гуссерлю, может и должна быть обособлена от феноменального и предметного содержания познания. Такая дифференциация выглядит справедливой, по крайней мере, когда она касается естественных наук, но как быть в случае с теоретическими дисциплинами? На данный вопрос Гуссерль отвечает однозначно и утверждает, что логика, являясь теоретической наукой, также подчиняется единству трех родов связей в познании. Разница заключается лишь в том, что исследуемые логикой предметы представляют собой не реальные факты, а идеальные виды. Осо-

---

⁹⁸ Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова.- М.: Академический проект, 2011.С. 158.

бенность логики заключается в том, что идеальные закономерности, которые составляют ее теоретическое единство, в качестве частных случаев подчиняются правилам, устанавливаемым ею же. «Логические законы, – пишет Гуссерль, – суть одновременно части и правила этих связей, они принадлежат одновременно теоретическому единству, и к области логической науки».⁹⁹ Абсолютная независимость логико-теоретических истин от психологического и предметного содержания познания делает законы логики и содержащиеся в них нормативные положения универсальными. Данная универсальность, по мнению Гуссерля, дает основания говорить об общеобязательном и аподиктическом характере логических принципов.

Резюмируя вышесказанное, имеет смысл представить основоположения чистой логики Гуссерля в трех тезисах: онтологический тезис утверждает существование идеальных объектов (значений) и идеально-сущностных закономерностей; эпистемологический тезис постулирует возможность познания идеально-сущностных закономерностей, лежащих в основе логико-теоретических положений; методологический тезис гарантирует достоверность логико-теоретических положений, усматриваемой посредством очевидности.

Критическая аргументация Гуссерля против психологизма состояла все из тех же доводов.

«Самый тяжкий упрек, – пишет Гуссерль, – который можно высказать в адрес какой-либо теории, и в особенности теории логики, состоит в том, что она противоречит очевидным условиям возможности теории вообще. Выдвинуть теорию и в ее содержании явно или скрыто противоречить положениям, обосновывающим смысл и правомочность всякой теории вообще, – это не только неправильно, но и в принципе нелепо».¹⁰⁰

---

⁹⁹ Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова.- М.: Академический проект, 2011. С. 159.

¹⁰⁰ Там же. С. 107.

Всякое логическое учение, прямо или косвенно отсылающее нас к субъективной природе мышления или структурам сознания, полагает Гуссерль, неизбежно приводит к релятивизму. И нет разницы, отсылает ли нас данная теория к эмпирико-психологическим условиям познания (Дж. Ст. Милль, Х. Зигварт, Т. Липпс) или априорным метафизическим предпосылкам (И. Кант), она все равно приводит к релятивизму. Поэтому если логика и может быть наукой, то она должна быть:

1. Теоретической дисциплиной, исследующей объективные условия познания, предмет которой составляет идеальное единство достоверных логико-теоретических истин.

2. Все истины логики должны выводиться чисто аналитически из самого понятия истины.

3. Высшая задача логики состоит в том, чтобы быть наукоучением и, безотносительно предметного содержания той или иной научной отрасли, руководить теоретическим познанием.

2.3 Двойкие следствия из критики психологизма

Как выяснилось, проблема соотношения логики и мышления в контексте спора о психологизме в философии XIX века имеет два взаимоисключающих способа решения. И если проблематический довод против ЛП кажется убедительным и не требующим дополнительного анализа, то остается выяснить, содержит ли программа АП принципиальные недостатки в своей аргументации. Для прояснения этого необходимо:

- Во-первых, согласиться с проблематическим тезисом АП в отношении ЛП и признать, что эмпирико-натуралистический способ обоснования логики, так или иначе, приводит к гносеологическому релятивизму.

– Во-вторых, посредством формальной критики тезисов АП, исследовать программу антипсихологизма на предмет внутренних противоречий.

Прежде необходимо понимать, что хоть программа АП, как принято считать, и одержала победу в споре против психологизма, ее основания в известной степени не были свободны от спорных моментов. Уже современники Г. Фреге и Э. Гуссерля (например, В. Вундт и П. Наторп) указывали на недостатки в аргументации антипсихологистов, среди которых особое значение имеют две проблемные позиции:

1. Проблема самообоснования теории или проблема бесконечного имплицитивного регресса.
2. Проблема отсутствия предельных значений достоверности теоретических положений.

Для прояснения недостатков доктрины АП обратимся к логическому учению Э. Гуссерля.

Одна из главных претензий к проекту Гуссерля со стороны его оппонентов заключалась в том, что он якобы не объяснил, каким образом законы логики вообще могут быть связаны с мышлением.¹⁰¹ И действительно, в своих рассуждениях Гуссерль стремится обосновать объективный характер логических истин за счет радикального разделения идеальных и реальных законов. Однако такой подход, как будет показано, приводит к тому, что области идеально-логического и реально-психологического содержания мышления изолируются друг от друга, вследствие чего возникает конфликт между онтологическими и эпистемологическими основаниями его концепции.

Для начала целесообразно будет еще раз повторить основные тезисы чистой логики Гуссерля:

---

¹⁰¹ Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита / М. Куш; пер. с англ. А. Веретенникова // Логос. 2002. № 5-6 (35). С.104-134.

(А) *Онтологический тезис* утверждает существование идеальных объектов (значений) и идеально-сущностных закономерностей;

(Б) *Эпистемологический тезис* постулирует возможность познания идеально-сущностных закономерностей, лежащих в основе логико-теоретических положений;

(В) *Методологический тезис* гарантирует достоверность логико-теоретических положений усматриваемой посредством их очевидности.

Теперь необходимо ответить на вопрос, каким образом Гуссерль устанавливает возможность реального познания идеальных законов логики.

По существу, имеется два вопроса: вопрос о бытии истины (А) и вопрос об установлении истины (Б). Вопрос о бытии истины Гуссерль разрешает в пользу объективного идеализма платонического типа, с позиции которого законы логики имеют внесубъективную природу и их существование никак не зависит от познающего субъекта. Для эпистемологического тезиса чистой логики характерен теоретико-познавательный оптимизм, допускающий возможность познания идеальных законов логики. Между тем, проблема установления истины есть проблема реального познания истины; реальное познание всегда исходит из единичных субъективно-психологических условий протекания познавательной деятельности. Вследствие этого возникает спорное обстоятельство, где, с одной стороны, существование идеально-логических закономерностей свободно от субъективных условий познания, с другой стороны, процедура установления логико-теоретических положений зависит от этих условий. Таким образом, допуская справедливость тезиса (А), тезис (Б), в силу особенностей декларируемых Гуссерлем положений, выглядит спорным. Либо обратная ситуация: если тезис (Б) считать верным, то доказательство тезиса (А) становится проблематичным. И в том и в другом случае универсальность и непреложность законов логики ставится под сомнение.

Для устранения противоречия между постулированием идеально-сущностной природы законов логики и тезисом, предполагающим возможность

их объективного познания, Гуссерль предлагает (В) методологическое решение. Он утверждает, что реальные законы отличаются от идеальных тем, что первые доступны познанию через наблюдение над частными случаями и индукции, приводящей к усмотрению общих положений, вторые – за счет их бессомненной очевидности (Evidenz). Многие критики проекта Гуссерля, в числе которых были П. Наторп и В. Вундт, считали, что отсылка к самоочевидности логических принципов также ставит логику в зависимое положение от реально-психологических условий познания. Они размышляли примерно так: Если сознание достоверности той или иной истины возникает при известных условиях, называемых очевидностью, а очевидность есть не что иное как психологический эквивалент убежденности в истинности некоторого положения вещей, то, разумеется, гарантировать всеобщей достоверности этой истины нельзя. В таком случае законы логики также не могут считаться универсальными.

Впрочем, Гуссерль не отрицает, что понятие очевидности частью имеет психологический объем (§ 50, «Пролегомены к чистой логике»). В то же время, он настаивает на том, что логическая очевидность должна рассматриваться не как психологическое условие возникновения некоторой убежденности, а как коренящаяся в структуре логико-теоретических принципов возможность установления отношения между очевидностью и формой суждения. Согласно данной точке зрения, положения очевидности законов логики являются обращенными в логико-методологический регулятив теоретическими истинами, которые в свою очередь не высказывают ничего о психологических аспектах очевидности и реальных условиях ее возникновения. Например, логико-теоретическое положение закона транзитивности гласит:

Если все А суть В, а все В суть С, то все А суть С.

Далее, Гуссерль предлагает осуществить преобразование логико-теоретического положения в логико-методологический регулятив, относительно которого уже имеет место говорить о логической очевидности:

Очевидность известной истины «все А суть С» имеет возможность быть справедливой для умозаключения с предпосылками форм «все А суть В» и «все В суть С».

Из примера видно, что положение очевидности не является предписанием, утверждающим законосообразность логико-теоретического положения со способом его реализации в действительной практике мышления, но лишь устанавливает ее возможность. По этому поводу Гуссерль пишет: «Чисто логические законы суть истины, вытекающие из самого понятия истины и родственных ему по существу понятий. В применении же к возможным актам суждения они, основываясь на одной только форме суждения, высказывают идеальные условия возможности или невозможности его очевидности».¹⁰² В данном случае, имеется в виду, что очевидность как идеальная возможность некоторого положения быть истинным всегда существует, и этого, по мнению Гуссерля, достаточно для решения вопроса о предельных основаниях логического правилоприменения.

Нетрудно заметить, что такой способ рассмотрения проблемы скрывает в себе некоторую двусмысленность, которая заключается:

–во-первых, в попытке обосновать реальную очевидность логических принципов посредством идеальных оснований,

–во-вторых, в сведении предельных значений логического правилоприменения к вероятностным значениям очевидности теоретических положений.

Для пояснения первого замечания возьмем теоретическое положение закона непротиворечия, в котором утверждается: *из двух контрадикторных суждений, только одно является истинным*. Получим из него положение очевидности следующей формы: *очевидностью может отличаться только одно из двух контрадикторных суждений*. Если обратить внимание на полученное в результате преобразования теоретического принципа положение очевидности, то можно заметить, что данный принцип не высказывает ничего сверх того, что содержит в

---

¹⁰² Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. - М.: Академический проект, 2011. С. 165.

себе исходное теоретическое положение. Как видно, форма логико-методологического регулятива, которую предлагает Гуссерль, сводится к вероятностному положению, закрепляющему за очевидностью идеальную возможность некоторого логико-теоретического положения быть истинным. Возникает вопрос, каким образом тавтология очевидности может гарантировать достоверность логико-теоретических истин?

Прежде чем обратиться ко второму замечанию стоит уточнить, что переживание очевидности, согласно Гуссерлю, есть реальная процедура познания, идеальна лишь возможность ее возникновения и/или существования (§ 51, «Прологомены к чистой логике»). Поэтому для того, чтобы из идеальной возможности теоретической истины быть очевидной, получить принцип, имеющий природу реального предписания, необходимо учитывать фактор вероятности. В данном случае рассуждение строится таким образом: если существует некоторое истинное положение «А», то необходимо существует возможность, чтобы кто-нибудь судил с очевидностью о том что «А есть». По аналогии с принципами математики это выглядело бы так: существует положение $a + b = b + a$ и существует вероятность того, что кто-либо будет с очевидностью считать $3 + 4 = 4 + 3$. По аналогии логико-методологический регулятив *principium contradictionis* в завершённом виде мог бы выглядеть так: *существует вероятность того, что из двух противоречивых суждений одно будет отличаться очевидностью*. На первый взгляд все верно, но если согласиться с тем, что достоверность логико-теоретических положений основывается на их очевидности, а очевидность есть вероятностный коррелят истинности, то получается, что положения логики вероятностны. И это прямо противоречит тезисам антипсихологизма.

Что интересно, но именно этот момент Гуссерль оставляет не проясненным, говоря о том, что реально-психологический контекст очевидности не имеет никакого значения для утверждения положений чистой логики. Важнее, что очевидность всегда наличествует в *идеале*, а задача прояснения реальных условий возникновения очевидности и процедур ее реализации не входит в задачи логики, а

является скорее проблемой психологии и методологии. С учетом разъясненных противоречий, может быть поставлено два вопроса: 1) что является первичным условием достоверности логико-теоретических положений, и 2) каким образом, при наличии такового, соотносятся идеально-логические и реально-психологические условия познания?

Гуссерль утверждает, что законы логики стоит рассматривать не иначе как единство объективных и достоверных истин. Их достоверность, настаивает он, подтверждается за счет их очевидности. Из этого мы можем сделать вывод, что всякой достоверности в процессе действительного познания логических истин предшествует очевидность. Во всяком случае, говоря о возможности реального познания законов логики, мы должны полагать, что акт усмотрения достоверности некоторой теоретической истины, это, прежде всего, реальная процедура, т.е. акт познания. Иначе законы логики должны были бы быть приняты на веру в качестве аксиом, а это как раз то, что критиковал Гуссерль. Допустим, верно, что очевидность существует как идеальная возможность некоторого положения быть истинным, т.е. если есть некоторое «А», то есть вероятность что «А истинно». Однако прежде всякой достоверности в действительном познании существует вероятность того что «А есть». До тех же пор, пока не установлено что «А есть», нет никаких причин говорить о том что «А истинно». Положим, любое потенциально истинное положение/высказывание является неистинным (т.е. ни истинным, ни ложным) до тех пор, пока его истинность не будет установлена. Также согласимся с тем, что истинность неистинных положений должна устанавливаться из правилоприменения истинных положений к неистинным. Вместе с тем если установление истинности всякого рода положений должно проистекать из правилоприменения истинных положений к неистинным, то что следует принимать за истинные положения в случае, если истинные положения требуют удостоверения и являются неистинными? Если истинные положения являются неистинными до тех пор, пока их истинность не установлена, то возможность установления истинности неистинных положений отсутствует. В отношении положений логики, законы ко-

торой являются наиболее общими принципами мышления, процедура установления истинности не представляется возможной. В противном случае возникает ситуация в которой установление истинности логических принципов есть процедура установления истинности неистинных положений. Это и есть суть проблемы самообоснования теории, которую мы обнаруживаем в чистой логике Гуссерля.

Как выяснилось, суть противоречия, скрывающегося в основоположениях логики Гуссерля, состоит в отсутствии предельных значений достоверности логико-теоретических истин. Отсылка же к очевидности положений чистой логики не снимает данную проблему. Выше уже говорилось, что форма положений очевидности, на которой настаивает Гуссерль, не содержит в себе условий достоверности логических принципов; очевидность рассматривается им не как условие, при котором логико-теоретическое положение должно считать достоверным, а как факт логического следования из области логико-теоретических истин к положениям очевидности. При этом очевидность не гарантирует никакой достоверности, но, по сути, является вероятностным коррелятом понятия истины. Возьмем область чисто логических идеальных понятий/суждений A , и область логико-методологических положений/суждений очевидности B . Гуссерль утверждает, что следствия из B гарантируют достоверность A , где B есть следствие из A . Разумеется, что если область понятий A требует обоснования из области понятий B , а область понятий B принадлежит области понятий A , то область понятий A не выходит за свои пределы. Таким образом, доказательство неопровержимости логико-теоретических положений коренится в идеальной структуре чисто логических истин, что делает невозможным реальное познание/обоснования законов логики, что, опять же, противоречит тезисам антипсихологизма и возвращает нас к сути проблемы.

Однако если все же согласиться с тем, что очевидность есть методологический коррелят истинности логико-теоретических положений, то возникает другая трудность, связанная с предикативной ориентацией понятия очевидности. На примере комбинированного принципа противоречия и *tertium non datur* мы имеем

следующее положение: *из двух противоречивых суждений, одно с необходимостью является истинным, другое – ложным*. Получаем из него логико-методологический регулятив формы: *очевидностью может отличаться одно из двух противоречивых суждений, где противоречащее ему суждение может не отличаться очевидностью*. Ясно, что такой методологический принцип вряд ли можно считать хоть сколько-нибудь удовлетворительным. По Гуссерлю, очевидность известной истины проистекает из возможности данной истины быть очевидной. Поясняя понятие очевидности, он ссылается на достоверность логической вероятности, где из двух противоречивых суждений, очевидностью, приравненной к значению истинности, отличается только одно суждение. Возьмем два противоречивых суждения: «А есть» и «А не есть». Согласно Гуссерлю, одно из этих суждений может отличаться очевидностью. Допустим, суждение «А есть» отличается очевидностью. Значит, суждение «А не есть» не отличается очевидностью, и, по сути, является неочевидным. Однако неочевидность суждения не означает его ложность, а означает то, что данное суждение требует прояснения, т.е. является неистинным. Неочевидность суждения «А не есть» возможно усмотреть только в противопоставлении с противоречивым суждением, из этого следует, что неочевидное суждение «А не есть» возвращает нас к противопоставлению суждений «А есть» и «А не есть». Далее, из двух противоречивых суждений одно необходимо должно быть неочевидным, и вышеизложенный ход рассуждения повторится снова и так до бесконечности. Это дает право говорить о том, что очевидность как вероятностный коррелят истинности становится причиной для бесконечного регресса от неочевидных положений к очевидным.

Таким образом, с формальной точки зрения концепция Гуссерля является противоречивой. Первое, что мешает принять тезисы чистой логики – это бесконечный имплицитивный регресс самообоснования, выводящий доказательство положений чистой логики за пределы рациональности. Следствием проблемы самореферентности становится проблема отсутствия предельных значений или условий достоверности логико-теоретических истин – и это второй проблематический

довод. Приняв за основу модель платонического идеализма, антипсихологи́сты обособляют сферу идеальных значений от субъективно-психологических условий познания. Однако, как показывает наш анализ, доктрина АП хоть и освобождает логику от субъективизма, она не обеспечивает подтверждения достоверности логико-теоретического знания, сводя всякое доказательство истинности логических принципов к тавтологии очевидности.

Выводы. Как выяснилось, ни позиция ЛП, ни позиция АП не дают однозначного ответа на вопрос о дисциплинарных границах логики и ее связи с мышлением. Среди главных недостатков данных позиций следует выделить:

- (у доктрины ЛП) отсутствие непротиворечивых положений о философских основаниях и онтоэпистемологическом статусе логики,
- (у доктрины АП) неочевидная связь между идеальным объективно-логическим содержанием мышления и реальной практикой логического правило-применения.

Таким образом, во-первых, согласившись с невозможностью реализации эмпирико-психологического и нормативно-психологического подходов к обоснованию логики, необходимо признать несостоятельность доктрины ЛП.

В свою очередь критический анализ аргументов доктрины АП показывает что:

- условие очевидности логико-теоретических истин не гарантирует их достоверности, но лишь предлагает таковую возможность в качестве вероятностного коррелята истинности. В таком случае, как уже говорилось, законы логики не могут считаться абсолютными и универсальными принципами;
- установление предельных условий достоверности логико-теоретических положений невозможно из-за проблемы бесконечного регресса самообоснования.

Если все верно, то, во-вторых, необходимо признать что и доктрина АП является несостоятельной.

Глава 3 Методологические решения проблематических аспектов

Признание эпистемологической несостоятельности позиций психологизма и антипсихологизма говорит о неразрешимости проблемы соотношения логики и мышления в контексте исследуемой антитезы. Как стало понятно, недостатки доктрины логического психологизма делают невозможным утверждение принципов логики в качестве объективных истин, а противоречия внутри программы антипсихологизма приводят к ряду проблем связанных с обоснованием достоверности логико-теоретических положений и отсутствием предельных значений принципа долженствования в логическом правилоприменении. И если оба способа объяснения природы логики и ее связи с мышлением, так или иначе, приводят к проблематическим следствиям, мы имеем право спросить: существует ли в рамках описанной проблемы (= спора о психологизме) иной подход, исключающий недостатки как психологистской, так и антипсихологистской интерпретации логики? Поиску ответа на этот вопрос и будет посвящена заключительная часть нашего исследования.

3.1 От логико-теоретических положений к логико-методологическим принципам

Как можно понять, смысл проблематических аспектов противопоставления логики и мышления есть следствие радикального противопоставления идеального и реального в познании. Граница, которую антипсихологизм проводит между логикой и мышлением, с одной стороны, делает возможным преодоление гносеологического релятивизма, возникающего в случае принятия психологистской трактовкой логики, с другой стороны, не объясняет каким образом логика вообще связана с мышлением, и, как следствие, не объясняет, на чем основывается идея долженствования в логическом правилоприменении. Возникает ситуация, в которой логика изучает свои законы, а психология – свои, и два онтологических по-

люса оказываются полностью непроницаемыми друг для друга т.е. никак несвязанными логически. В этой связи и ставится вопрос, а возможно ли в принципе привести к логическому соответствию тезисы психологизма и антипсихологизма? Как думается, такая возможность есть.

Для начала вернее всего отказаться от противопоставления логики и психологии и обратить внимание уже не на содержание взаимоисключающих тезисов, а на ту самую границу, разделяющую идеальное и реальное в познании. Такой границей, помимо прочего, является событие логического правилоприменения – событие, которое включает в себя как реальные, так и идеальные условия познания, не являясь вместе с тем ни тем, ни другим. Далее речь пойдет как раз о том, в какой степени логические принципы имеют отношение к ситуации логического правилоприменения.

Сущностные различия между логическим законом и логическим правилом. В своих «Прологоменах» Э. Гуссерль определяет *логический закон* как часть идеального единства объективных логико-теоретических истин, очевидно усматриваемых из самого понятия истины, а *логическое правило*, в свою очередь, как обращенное в норму теоретическое положение, служащее регулятивом познавательной деятельности.¹⁰³ Для примера возьмем теоретическое положение закона транзитивности в формулировке:

Если все А суть В, а все В суть С, то все А суть С.

Как видно данное положение не содержит в себе никакого предписания, указывающего на условия правилоприменения данного принципа в реальной практике мышления. Иными словами, логический закон десубъективизирован и по своему существу не может являться предметом логического правилоприменения. Трансформация теоретического положения в правилоприменительный регулятив требу-

---

¹⁰³ Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова.- М.: Академический проект, 2011. С. 141.

ет преобразования исходной формулировки теоретического принципа следующим образом:

Каждому сужающему относительно всех A , которое суть B , и всех B , которое суть C , должно судить, что все A суть C .

Не трудно заметить, что исходное теоретическое положение отличается от правилоприменительного регулятива по ряду признаков, и если логический закон, с точки зрения АП идеален и наделен

а- внесубъективностью,

б- вневременностью и

с- абсолютной истинностью (константностью) своих положений,

то логическое правило, как следует из примера, де-идеализировано и с необходимостью

$\bar{a}$ - субъективно и/или субъектно,

$\bar{b}$ - реализуется с течением времени и

$\bar{c}$ - не обладает абсолютной истинностью.

Данное преобразование, а вернее следствия из него позволяют нам говорить о предмете логического правилоприменения. Итак, **предметом логического правила** является *де-идеализированное субъект-ориентированное логико-теоретическое положение, имеющее форму предписания и служащее регулятивом познавательной деятельности.*

Проведенное сравнение очередной раз показывает, что логический закон и логическое правило принадлежат областям конкурирующих онтологий; логический закон является частью объективного идеально-логического содержания мышления, а логическое правило включено в процесс субъективных реально-психологических условий реализации логической нормы. Вместе с тем, выясняется, что одновременно с трансформацией логико-теоретического положения в логико-методологический регулятив происходит негация признаков, присущих объективным законам логики. Иначе говоря, предельные идеально-логические основания логико-теоретического положения обращенного в регулятив аннулируются,

т.е. логическое правило в отличие от логического закона не обладает безусловной достоверностью и общеобязательностью. Если все верно, то следует поставить вопрос о предельных основаниях логического правилоприменения. Однако учитывая то, что **логико-методологический регулятив не содержит в себе предельных оснований правилоприменения**¹⁰⁴, наш вопрос следует расширить так: существуют ли вообще какие-либо объективные предпосылки к логическому правилоприменению?

Теперь необходимо еще раз обратить внимание на противопоставление объективного и субъективного в споре о психологизме. Согласно позиции антипсихологизма, логико-теоретическое положение, содержащее в себе норму правилоприменения, является необходимо истинным, а логическое правило может быть истинным или ложным, т.е. правило может быть реализовано в соответствии с нормой логико-теоретического положения, а может противоречить данной норме. Но если в качестве допущения предположить, что существует некоторое ложное теоретическое положение, то возможно ли такое, что обращенное в норму правилоприменения положение данного принципа сможет принять значение истины? На первый взгляд такое вполне возможно в том случае, когда правило реализуется против нормы теоретического положения, проще говоря, когда оно нарушается. В то же время, истинностное значение правилоприменения возможно только в случае реализации правила в соответствии с нормой, заложенной в теоретическом принципе, а потому правило, которое реализуется против нормы данного принципа, не может быть истинным ни при каких условиях.

Как видно, вопрос о месте нормы в структуре правилоприменения требует прояснения. Дабы избежать двусмысленности, исследуем эту проблему отдельно, затронув, главным образом, аспект нарушения правила.

Норма правилоприменения (акционистская трактовка правила). Прежде чем непосредственно обратиться к вопросу о нормах логического правилоприменения, следует составить общее представление о том, что есть норма для

---

¹⁰⁴ Это видно из самого определения логического правила и тех свойств, которыми оно обладает.

всякого рода правил. Для этого проведем следующий мысленный эксперимент. Допустим, существует некоторое правило, которое гласит:

«Каждый раз, выходя из комнаты с четырьмя дверями, следует выходить через пятую дверь».

Очевидно, что данное правило является некорректным и содержит в себе явное логическое противоречие, делающее невозможным следование данному предписанию в реальной практике правилоприменения. Как указывалось в предыдущем разделе, ложное основание правила ни при каких условиях не способно обеспечить истинного правилоприменения. Поэтому очевидно, что “каждый раз, выходя из комнаты с четырьмя дверями”, мы будем выходить в одну из четырех дверей. Спрашивается: будем ли мы в таком случае нарушать правило, и возможно ли вообще нарушить правило, которое нельзя реализовать? Предположим, что всякое правило только и существует как случай со-возможности должного предписания действительным условиям правилоприменения. Тогда норма правилоприменения должна обеспечивать должную со-возможность правилоприменения быть в принципе. Если же норма правилоприменения не обеспечивает этого, то возникает *патология нормы* (как в последнем примере), где, с одной стороны, правило предлагает известное нормативное содержание, а с другой, исключает всякую возможность нормирования вообще. Регулировать по сути можно только то, что есть, то чего нет нельзя и регулировать. Если все верно, то верно и следующее утверждение: **всякое правило имеет место быть, если имеет место быть реальная практика правилоприменения.** Однако данное утверждение не свободно от спорных моментов.

В современной философии, в связи с обсуждением самых разных проблем, часто рассматривается так называемый парадокс следования правилу, сформулированный Л. Витгенштейном. Со слов Витгенштейна: «...ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. ...если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие

с этим правилом...».¹⁰⁵ Сразу стоит сказать, что существует множество интерпретаций данного парадокса. Нас, прежде всего, интересует чисто акционистская трактовка, суть которой может быть сведена к положению: *не существует сколько-нибудь определенного правила, которое могло бы иметь устойчивое значение (устойчивый образ действия) в правилоприменительной практике*. Смысл данной трактовки допускает возможность реализации правила против нормы правилоприменения, и, как следствие, создает некоторые трудности в понимании правила. На нашем примере эти трудности могли бы выглядеть так: Находясь в комнате с четырьмя дверями, мы пересчитаем двери от первой до четвертой, после этого, мы не остановим счет и перейдем от «четырех к пяти», посчитав первую дверь за пятую. За счет такой «уловки» мы сможем реализовать правило, содержащее в себе патологическую норму. Однако думать, что правило может существовать без возможности его реализации, преждевременно. Ведь если полагать что «уловка Витгенштейна» состоит в том, что каждое правило может быть нарушено, то тут нет никакого противоречия. Конечно, всякое правило можно нарушить, в этом и состоит сущность правила, однако нельзя нарушить правило сверх меры, т.е. сверх предела практической свободы, другими словами, нельзя бесконечно «по-новому» нарушать одно и то же правило. Так в нашем примере количество дверей не бесконечно, а значит и количество комбинаций – способов нарушения правила, также не бесконечно. Простейший подсчет позволяет нам вычислить $n!$, где $4! = 1*2*3*4 = 24$. Исходя из этого можно предположить, что нарушение правила [всегда?] ограничено пределом практической свободы, ведь даже в нашем примере количество способов нарушения правила не бесконечно.

Таким образом, всякое правило может быть нарушено *по-новому* конечное число раз, т.е. **диапазон допустимых значений правилоприменения ограничен пределом практической свободы**. По существу, предел практической свободы уже включает в себя условия реализации правилоприменения, без которых правило не существует. **Отсутствие предела практической свободы означает отсут-**

---

¹⁰⁵ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. С. 163 .

ствие условий реализации правилоприменения, т.е. правило, которое может быть нарушено *по-новому* бесконечное число раз, не является правилом. Если известно, что некоторое правило не может быть нарушено, значит, оно и не может быть реализовано в правилоприменительной практике.

Фактор времени как необходимое условие логического правилоприменения. Предыдущий раздел был посвящен формальному обоснованию необходимости бытия действительных границ правилоприменения. Выяснилось, что потенциальная реализуемость правила есть необходимое условие его существования. Говоря об условиях правилоприменения, точнее о его действительных границах, нельзя не затронуть вопрос о темпоральной структуре самого правила.

В первую очередь необходимо понимать, что по своей структуре, всякое правило состоит из двух частей: (S) – *ситуации правилоприменения* и (P) – *директивы к реализации правилоприменения*. Например, в русской поговорке «Назвался груздем, полезай в кузов», событие «Назвался груздем» (S) является ситуацией правилоприменения, а указание «полезай в кузов» (P) – директивой к реализации правилоприменения, где наступление события (P) строго детерминировано наступлением события (S). Согласно закону причинности, событие $X(t)$, имеющее место в момент времени t , влияет на событие $Y(t')$, только в том случае, когда $t' - t > 0$. Если все так, то правилоприменение возможно исключительно тогда, когда ситуация правилоприменения (S) предшествует действительному (P), при условии, что Δt событий S(t) и P(t') будет больше нуля.

Всякое правилоприменение является реально происходящим действительной со-возможности наличных условий должного и сущего в известном событии, т.е. тем, что имеет место и происходит с течением времени. Это означает, что реальная практика правилоприменения только и может рассматриваться как в контексте парадигмы строго детерминизма, читай **строгой причинности событий**. И практика логического правилоприменения, в данном случае, не является исключением. Взять для примера хотя бы принцип непротиворечия, который утверждает: «Два противоречащих суждения не могут быть истинными в одно и то же вре-

мя». Если оставить в стороне размышления о логико-теоретических основаниях данного принципа, можно получить следующий правилоприменительный регулятив:

«Каждому, судящему относительно A , которое есть b , в то же время не должно судить, что A не есть b ».

Допустим, что всякое суждение является событием, которое происходит в определенный момент времени, тогда истинное суждение « A есть b » – это ситуация правилоприменения (S), где директивой к реализации правилоприменения (P) служит указание «не должно судить что A не есть b ». Согласно методологическому положению принципа противоречия, истинность суждения события (S) в момент времени t исключает истинность суждения события (P) в момент времени t' тогда и только тогда, когда $t' - t > 0$.

Однако такая трактовка логического принципа выглядит небесспорной, ведь ясно, что логико-теоретическое положение закона непротиворечия ничего подобного не устанавливает. Данный принцип учит нас, что некоторая суть вещей не является сутью собственного отрицания, не более того. Спрашивается, если идеально-логические основания закона непротиворечия не предполагают никакой причинности событий в своем исходном положении, то является ли в реальном мышлении значение суждения « A есть b » *причиной* значения суждения « A не есть b »? Возможно ли вообще в реальной практике мышления, судить *одновременно* многозначно, т.е. применять правило вне контекста правилоприменительной ситуации?

Ясно одно, что проблема темпоральности в логике это еще один важный вопрос, который следует прояснить для того чтобы прийти к пониманию того, каким образом соотносятся идеально-логические и реально-психологические основания логического правилоприменения.

О роли субъекта в правилоприменительной практике. Как уже говорилось, всякое правило является субъект-ориентированным регулятивом деятельности, в котором наличие субъекта выступает обязательным условием осуществ-

ления правилоприменительной практики, т.е. без субъекта нет правила. Наша же задача состоит в том, чтобы расставить акценты в вопросе о значении субъекта в логическом правилоприменении. Это нужно, прежде всего, для ясного понимания механизма возникновения *потребности* в следовании правилу.

Строго говоря, **субъект правилоприменения** – это фактор актуализации экспрессиарных (от лат. *expressio*) условий правилоприменения. К примеру, реализация правил арифметики требует от человека способности к счету и абстрактному мышлению. Скажем, некоторый человек не способен осуществлять элементарные счетные операции, значит, для такого человека правил арифметики попросту не существуют. В данном случае, субъектом правилоприменения выступает человек, а необходимым экспрессиарным условием является способность к осуществлению арифметических операций. В тоже время было сказано, что сущностной особенностью правила как такового является возможность его нарушения. Это значит что субъект, пусть и имеющий возможность реализовать то или иное правилоприменение, может в силу разных причин этого не сделать. Если все зависит от решения или воли субъекта правилоприменения, то, разумеется, говорить о какой бы то ни было объективной стороне логического правилоприменения нельзя. Поэтому главным вопросом в этой связи становится вопрос об истинной принадлежности фактора актуализации экспрессиарных условий субъекту правилоприменения.

Понимание ситуации затрудняется главным образом за счет того, что способность к экспрессии правила обнаруживается не только в **активном субъекте** правилоприменения (скажем человеку или животному), но и в неактивном; те же счетные операции могут быть реализованы электронной вычислительной машиной, а, положим, авиационный автопилот имеет возможность реализации сложнейших правил навигации и управления воздушным судном в ситуации меняющихся погодных и атмосферных явлений. Бесспорно, что активный субъект в отличие от **инертного субъекта**, обладает волей к реализации правила, что позволя-

ет ему сознательно идти против правила, т.е. нарушать его.¹⁰⁶ Является ли в таком случае осознанность правилоприменения необходимым условием существования правила? И что такое осознанность, и как соотносить ее с чисто акционистской моделью правилоприменения?

По этому поводу Дж. Ст. Милль заметил, что: «Если есть правила, с которыми сознательно или бессознательно сообразуется всякий ум, ... то очевидно, нет особой необходимости спорить о том, когда люди скорее будут соблюдать эти правила: тогда ли, когда они будут им известны, или же когда они ничего о них не будут знать»¹⁰⁷. Миллю, как известно, была чужда идея о свободе воли, он не делал различий между законами природы и законами психики. По его мнению, необходимость правилоприменения заключена в структуру реальности и обусловлена всеобщей каузальностью. Если принять данную точку зрения, то, с одной стороны, сразу отпадает ряд вопросов, с другой – возникает ситуация эпистемологической неопределенности. Ведь если субъект правилоприменения не обладает качеством волеизъявления по отношению к правилу, то кто тогда принимает решение о необходимости того или иного правилоприменения, точнее: что является фактором, актуализирующим экспрессию правила?

Пожалуй, нет сомнений на счет того, что прояснение проблемы субъекта в логическом правилоприменении есть важнейшая задача в исследовании проблемы психологизма в логике.

Итоги параграфа. Возвращаясь к вопросу о соотношении логики и мышления в дискуссии психологизма и антипсихологизма, следует уточнить, что:

1. Логико-теоретические положения (законы) не содержат в себе никаких сведений, о том, как следует мыслить, и о том, как осуществляется практика реального мышления в тех или иных обстоятельствах.

---

¹⁰⁶ Помимо этого активный субъект наделен способностью усмотрения *необходимости* следования конкретному правилу в той или иной ситуации, а в некоторых случаях, вырабатывать новое правило. Однако этот момент можно считать несущественным, поскольку то же самое можно усмотреть в работе «сложных» компьютеров.

¹⁰⁷ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. / Предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп.– М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 67.

2. Однако всякий логический закон, обращенный в регулятив, необходимо содержит в себе норму закона и норму правилоприменения. Если норма закона не соотносится с нормой правилоприменения, т.е. выходит за границы диапазона допустимых значений реализации правила в действительной практике мышления, то она становится бессмысленной.

3. В таком случае, методологический тезис логического психологизма, утверждающий, что необходимость логического правилоприменения укоренена в субъективном реально-психологическом содержании мышления следует считать справедливым.

4. Вместе с тем логический закон напрямую не связан с правилоприменительной практикой, но только посредством нормы, которая как выяснилось, выражает действительную со-возможность наличных условий должного и сущего в известном правилоприменении.

Помимо этого, проблема логического правилоприменения, так или иначе, включает в себя:

5. вопрос о действительной природе правилоприменения и истинной субъектности правила,

6. вопрос о причинности в темпоральной структуре логического правилоприменения.

В целом, настоящий параграф показал, что между двумя точками зрения на природу логики и ее связи с мышлением – между идеей логического редукционизма (антипсихологизм) и психологического индуктивизма (психологизм), существует проблемное поле методологических нюансов, которое не может быть в чистом виде сведено к одной из двух позиций в споре о психологизме. Является ли в таком случае методологическая разработка проблемы той перспективной областью исследования дискуссии о психологизме, которая бы могла открыть другое понимание сути интересующего нас вопроса, сложно сказать. Вместе с тем, даже поверхностный анализ антитезисов психологизма показывает, что предметом притязаний конкурирующих доктрин является борьба за приоритетный спо-

соб обоснования, т.е. метод. Акцент на методологической разработке спора о психологизме дает одно важное преимущество: смещение внимания с вопроса об онтоэпистемологических предпосылках логики, дает возможность выбраться из релятивизма менталистской трактовки, отсылающей нас к единичным субъективным условиям познания, с одной стороны, и исключить парадоксальные следствия платонического идеализма – с другой. Проще сказать, что методологию в меньшей степени интересует вопрос «как это работает?», чем вопрос «как с этим работать?».

Также понятно, что радикальное разграничение реальных и идеальных законов делает невозможным разрешение спора о психологизме в пользу той или иной доктрины. Поэтому категория «закон» как единица анализа в споре психологизма и антипсихологизма кажется менее пригодной, чем категория «правило».

3.2 От понятий и высказываний логики к понятиям и высказываниям психологии

Важным аспектом в формальном разборе спора о психологизме является вопрос о сводимости/разграничении понятийных областей логики и психологии. Принято считать, что для редуцируемости области знания *A* к области знания *B* необходимо, чтобы выполнялось два условия: 1) определимость понятий *A* в терминах *B* и 2) выводимость высказываний *A* из высказываний *B*. Как можно догадаться, психологизм утверждает возможность редуцируемости понятий и высказываний логики к понятийной области психологии. В свою очередь антипсихологизм отрицает это и заявляет о принципиальной автономности логико-теоретического знания. В чистом виде антипсихологизм защищает следующие положения:

- (1) О несводимости основных терминов логики к терминам психологии;

(2) О невыводимости высказываний логики из высказываний психологии.¹⁰⁸

Так Э. Гуссерль в своем проекте *чистой логики* отстаивает позицию, согласно которой объем понятий логики ограничен объемом объективным идеальным-логическим содержанием познания и не включает в себя эмпирический объем понятий психологии. Несмотря на кажущуюся двусмысленность терминов логики, таких как представление, понятие, суждение, умозаключение, доказательство, истина и т.п., область их применения, считает Гуссерль, должна быть четко разграничена. С одной стороны, рассуждает он, названные термины описывают классы психических переживаний, с другой – понятия, представляющие идеальные единичности (виды) утвержденные *a priori* в структуре своего рода. Когда психолог говорит, допустим, о представлении как о способе мысленного воссоздания образа предметов и связей между ними, он вынужден полагаться на факты опыта, данные посредством анализа субъективной индивидуально-психологической стороны познания. «Но как только дело доходит до различия сущностных “форм” представлений, – пишет Гуссерль, – уже намечается разрыв в способе рассмотрения, который продолжается в учении о формах умозаключений и связанных с ними законах мышления. Термин “представление” внезапно теряет характер понятия психологического класса».¹⁰⁹ В логике, настаивает он, понятие представления исключает всякий эмпирико-психологический объем и выступает способом репрезентации акта полагания, устанавливающего формальную связь между вещами и явлениями. К примеру, мое представление о простуде включают в себя всю совокупность субъективных переживаний болезненного состояния, выраженного как в единичных индивидуальных восприятиях каждого отдельно пережитого момента простуды, так и в образе простуды, который я отмечаю в поведении других людей. В то же время каждый раз, когда я обращаюсь к понятию простуды, я

¹⁰⁸ Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

¹⁰⁹ Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Пролегомены к чистой логике. / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова.- М.: Академический проект, 2011. С. 155.

вынужденно обращаюсь к представлениям, которые выходят за границу только лишь феноменального единства познания. Мне также известно, что простуда – это нозологическая единица, для которой существует установленная клиническая картина, включающая в себя известные симптомы: головная боль, кашель, резь в глазах, слабость, повышенная температура и т.д. В одном случае мое представление о простуде проистекает из эмпирико-психологических мотивов познания, вернее той совокупности переживаний, которые и составляет эмпирический объем моего представления о данном недуге, в другом – опирается на элементарную медицинскую теорию. Как учение о болезнях и их формах не занимается изучением каждого отдельного случая болезни, так и логика не исследует реально-психологические условия познания. Поэтому стоит различать представление как психический процесс и представление как способ утверждения теоретико-понятийной связи между вещами. Если я говорю, что мое представление о треугольнике содержит представление фигуры состоящей из трех прямых линий, трех углов или трех вершин, то для логики представляет интерес только то, что объем первого включает в себя объем последнего, но не более того. Данное различие, по мнению Гуссерля, как раз и служит свидетельством несводимости понятий логики к понятиям психологии. И именно в этом отношении логика имеет дело с терминами, которые лишь на первый взгляд кажутся равнообъемными для логико-теоретических и эмпирико-психологических предпосылок познания.

Примечательно, что такой термин как «представление» оказывается наиболее предпочтительным для объяснения позиции антипсихологизма относительно автономности понятий логики. Но как только речь заходит о более близких логическому тезаурусу понятиях, аргументация антипсихологизма перестает быть убедительной. Отчетливей всего проблемы, скрывающиеся в утверждаемых антипсихологизмом принципах, обнаруживают себя, когда эти самые принципы применяются непосредственно к собственному содержанию. В предыдущей главе уже говорилось, что антипсихологистская интерпретация логики приводит к парадоксальным следствиям, делающим невозможным принятие тезиса о достовер-

ности принципов логики. Данная проблема напоминает о себе и тогда, когда мы пытаемся уяснить разницу между понятиями логики и понятиями психологии.

Противоречие и суждение. «Во всякой логике, – пишет Гуссерль, – много говорится о суждениях; но и тут имеются эквивокации».¹¹⁰ К этим эквивокациям мы и обратимся. И начнем с того, что проанализируем смысл положения принципа непротиворечия, потому как именно принцип непротиворечия задает естественную границу в логической дефиниции понятия суждения.

Чаще всего в философских дискуссиях, связанных с проблемой происхождения закона непротиворечия приводится следующая цитата из «Метафизики» Аристотеля:

*«Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле».*¹¹¹

По мнению известного критика аристотелевской аксиоматики Я. Лукасевича, данный принцип может быть сведен к более общей онтологической формулировке типа: «Невозможно, чтобы что-то одновременно и было и не было».¹¹² Далее, из онтологического положения следует как минимум два различных с теоретико-познавательной точки зрения принципа: логический и психологический.

(1) Логический принцип противоречия обнаруживает себя в «Метафизике» в виде положения:

*«Из всех принципов наиболее верный тот, что противоречащие суждения не являются одновременно истинными».*¹¹³

Другими словами, для каждой пары контрадикторных суждений данный принцип устанавливает правило, которое гласит: если одно суждение истинно, то другое, противоречащее ему суждение, с необходимостью ложно. Под суждением стоит понимать всякое предложение, в котором сказуемое связано с - и/или может стоять в каком-либо отношении к подлежащему. В терминах логики данный тип от-

¹¹⁰ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 156.

¹¹¹ Аристотель. Метафизика. / Пер. А. В. Кубицкого. М.- Л.: Соцэргиз, 1934. С. 63.

¹¹² Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. – М.-СПб., 2012.

¹¹³ Там же. С. 60.

ношения соответствует отношению предиката к субъекту, следовательно, любое высказанное суждение формы « S есть P » является конрадикторным суждению формы « S не есть P », где S – это субъект суждения, т.е. предмет относительного которого некоторое приписываемое ему свойство P выступает предикатом. Для примера, конрадикторными, т.е. противоречащими друг другу суждениями могут быть: «Свинец является металлом» и «Свинец не является металлом», «Единороги существуют» и «Единороги не существуют», «Все люди смертны» и «Некоторые из людей бессмертны» и т.д.

(2) Психологический принцип противоречия. Данный принцип, согласно Аристотелю, заключается в том, что:

*«Никто не может верить, что нечто есть и одновременно верить, что то же самое не есть».*¹¹⁴

В этом виде принцип непротиворечия является чисто психологическим законом, устанавливающим правило: два противоречащих акта веры не могут существовать одновременно. Под актом веры стоит понимать психический акт или психическое состояние, свидетельствующее об убежденности в том или ином положении дел. Каждому акту веры, полагает Лукасевич, соответствует факт логики в качестве некоторого утвердительного или отрицательного предложения, т.е. верить или быть убежденным можно только в то, что *есть* или *не есть*, что что-то является таковым или не является таковым.

Таким образом, существует минимум две точки зрения на природу принципа противоречия: логическая и психологическая. В главе II уже приводились аргументы в пользу и той и другой позиции, тем не менее, вопрос, касающийся смысла общезначимости принципов логики, а вернее его толкования в контексте логико-лингвистической / семантической проблемы, содержит в себе ряд спорных моментов.

Сказано, что суждением может называться любое предложение соответствующее логической форме « S есть P ». Высказыванием же следует считать языко-

---

¹¹⁴ Лукасевич Я. Указ. соч. С. 61.

вую экспозицию некоторого суждения, данную в эквивалентных выбранному языку единицах значения, т.е. знаках. Суждение может быть доступно только посредством высказывания – это значит, что не существует¹¹⁵ суждений, которые не могут быть высказанными. Однако не все то, что имеет возможность быть высказанным, следует считать экспозицией некоторого суждения, потому как представленные в речи/языке реальные высказывания не всегда содержат очевидную структуру суждения или в принципе ее не содержат.

Высказывания без очевидной структуры суждения. К примеру, человек, которого облил водой из лужи проезжающий мимо автомобиль, может сказать: «Вот так денек!» или «Чертовщина какая-то!». На первый взгляд в данных высказываниях отсутствует характерная для суждения структура – в них будто бы ничего не утверждается; с другой стороны, зная контекстную ситуацию, в которой данные высказывания имели место, не составит труда осуществить их интерпретацию. Высказывание «Вот так денек!» можно перефразировать как «Сегодняшний день есть не самый лучший день» или «Сегодняшний день включает в себя (вышеописанное) неблагоприятное происшествие». Получается, что подразумеваемый предикат в высказывании «Вот так денек!» может наличествовать в любой допустимой для лингвистической интерпретации форме. В случае с высказыванием «Чертовщина какая-то!», ситуация похожая, только в этот раз незавершенная предикация возникает за счет неочевидного наличия субъекта суждения. В завершённом виде это могло бы выглядеть как «Произошедшее есть “чертовщина какая-то”».

Все это наглядно показывает, как высказывания, несоответствующие по форме структуре суждения, могут все же экспонировать некоторый логический замысел. Решающую роль здесь конечно играет контекст. Если контекстная ситуация неизвестна, тогда осуществить преобразование или домысливание подобных высказываний вряд ли получится, а значит такие высказывания не могут считаться суждениями. Однако это не мешает им оставаться потенциально контекст-

---

¹¹⁵ Имеется в виду, что суждения, которые не могут быть высказаны, не существуют в качестве познаваемой экспозиции логического замысла данного суждения. О них ничего неизвестно.

ными, т.е. потенциально являться суждениями. Неполнота языковой экспозиции еще не означает неполноту формально-логической связи.

Бессмысленные высказывания. Необходимым условием для всякого высказывания, экспонирующего то или иное суждение, является его осмысленность, т.е. смысловая связность его частей: субъекта и предиката. Критерием, по которому то или иное высказывание следует считать осмысленным, служит возможность его формально-логической интерпретации, т.е. возможность придачи экспонируемому в данном высказывании суждению значение истинности или ложности. Возьмем высказывание: «Число π есть натуральное число». Для того чтобы выяснить является данное высказывание истинным или ложным достаточно обратиться к определению натуральных чисел, из которого станет понятно, что дробные числа не входят в ряд натуральных чисел. Следовательно, высказывание «Число π есть натуральное число» является ложным. Другое высказывание «Сейчас за окном светит солнце» требует иной процедуры, названной в логическом позитивизме «верификацией». Верификация заключается в опытным удостоверении истинности экспонируемого в высказывании суждения. Достаточно просто выглянуть в окно и убедиться в том, светит ли в известный момент солнце или нет. Если да, то высказывание истинно, нет – ложно. В первом примере с числом π , удостоверение в истинности высказывания осуществляется логико-дедуктивным способом, во втором – способом эмпирического исследования. И в том, и в другом случае, имеется возможность установить значение экспонируемого в высказывании суждения. Такие высказывания нельзя считать бессмысленными, поскольку в них обнаруживаются необходимые для структуры суждения отношения субъекта и предиката.

К бессмысленным высказываниям относятся все те высказывания, которые невозможно представить в качестве экспозиции некоторого суждения. Такие высказывания являются либо непереводаемыми, либо неинтерпретируемыми.

Непереводимые высказывания с мнимой структурой суждения. Допустим, кто-нибудь в качестве шутки выскажет что-то вроде: «Абракадабра есть окноно-

гая квазипропасть». На первый взгляд данное предложение демонстрирует грамматическую и формально-логическую связность содержащихся в нем частей: присутствует некоторое S – «Абракадабра», и приписываемое ему P – «окноногая квазипропасть», а также логическая связка «есть». Но даже с учетом внешнего грамматического сходства с осмысленным предложением, установление какой бы то ни было смысловой связности в нем не представляется возможным. Главным образом этому мешает то обстоятельство, что понятие «абракадабры» и понятие «окноногой квазипропасти» не доступны переводу / пониманию, а потому и осмыслению. Неизвестно, каким образом субъект данного высказывания связан с предикатом, неизвестно вообще, является ли субъект субъектом, а предикат предикатом – неизвестно абсолютно ничего. Следовательно, возможность установления значения истинности или ложности данного высказывания исключена. Но значит ли это, что подобного рода высказывания всегда являются бессмысленными? Совершенно, нет.

Проблема заключается в используемом языке. Данный язык может быть понятен тому, кто его использует, но непонятен другим. Это значит, что языковая экспозиция суждения в реальном высказывании, так или иначе зависит от индивидуальной способности субъекта или объекта высказывания совершать конструкцию/деконструкцию конкретного предложения. Данная проблема является скорее языковой, нежели логической. Но она, так или иначе, сопряжена со следующим типом высказываний – с неинтерпретируемыми высказываниями, поэтому ее стоило рассмотреть отдельно.

Неинтерпретируемые высказывания. Особое место среди реальных высказываний занимают неинтерпретируемые высказывания. Так Л. Леви-Брюль, исследуя проблему пралогического мышления, ссылаясь на пример показывающий то, как в «примитивном» мышлении первобытных народов может игнорироваться закон непротиворечия. У индейцев «бороро», населяющих северную часть Бразилии, распространено убеждение, что они есть красные арапа (попугаи). Леви-Брюль уточняет: «Это вовсе не значит, что только после смерти бороро превра-

щаются в арара или что арара являются превращенными в бороро и поэтому достойны соответствующего обращения. Нет, дело обстоит совершенно иначе. Это не имя, которое они себе дают, это также не провозглашение своего родства с арара, нет. Бороро настаивают, что между ними и арара присутствует тождество по существу».¹¹⁶ Объясняя подобные противоречия, возникающие в первобытном мышлении, Леви-Брюль опирался на понятие партиципации. Партиципация мышления характеризуется установлением в суждениях противоречивых связей и отношений между вещами. Леви-Брюль полагал, что закон партиципации распространяется на все союзы тотемического типа, в которых члены тотемической группы отождествляют себя со своим тотемом. «С динамической точки зрения, – писал Леви-Брюль, – возникновение существ, явлений того или иного события представляет собой результат мистического действия, которое при определенных мистических условиях передается от одного предмета или существа к другому».¹¹⁷ Иными словами, для пралогического мышления свойственно устанавливать неспецифические связи между вещами за счет мистического осмысления действительности. Иного объяснения Леви-Брюль не нашел.

По мнению Л. С. Выготского, интерпретация Леви-Брюля является в корне неверной. Когда один из бороро считает себя красным арара и по существу выносит суждение: «Я - индеец бороро есть красный попугай», он не отождествляется себя с попугаем в том смысле, в котором можно было бы интерпретировать данное высказывание, если бы бороро обладали привычным для нас понятийным мышлением. Ошибка Леви-Брюля как раз и состояла в попытке экстраполировать логику суждений на логику примитивного мышления. «Но так как для бороро слова не являются носителями понятий, – отмечает Выготский, – а являются только формальными обозначениями конкретных предметов, то для них это утверждение имеет совершенно другой смысл».¹¹⁸ Слово «арара», обозначающее

---

¹¹⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 63.

¹¹⁷ Леви-Брюль Л. Указ. соч. С. 63.

¹¹⁸ Выготский Л. В. Мышление и Речь. – М., 1999. С. 151.

красных попугаев является у бороро общим именем для известного комплекса предметов: в данный комплекс входят и люди, и попугаи. Слово у бороро не подразумевает под собой какое бы то ни было понятие, а имеет функцию «фамильного знака», объединяющего группы родственных впечатлений и предметов.

Что интересно, комплексное мышление свойственно не только представителям первобытных народов. Психиатр А. Шторх, изучая мышление людей страдающих шизофренией, обнаружил у них характерные для архаически примитивного мышления признаки партиципации. Более того, данный тип мышления, по мнению Выготского, является этапом естественного онтогенеза, который проходит всякое мышление на пути к мышлению в понятиях. Поэтому нет ничего странного в том, что дети порой высказывают, казалось бы, совершенно бессвязные предложения. Стоит ли в таком случае считать выражения «круглый квадрат» или «четырёхугольный треугольник» противоречивыми? Таким образом, реальные высказывания, даже с учетом наличия в них очевидной структуры суждения и возможности адекватного перевода, могут оказаться не интерпретируемыми, т.е. бессмысленными.

Теперь, рассмотрев частные случаи обыденного словоупотребления, становится возможным ответить на поставленный ранее вопрос о границах суждений логики и психологии. Как стало понятно, для того чтобы то или иное суждение можно было считать таковым, т.е. чтобы ему можно было придать значение истинности или ложности, экспозиция данного суждения должна быть полной и осмысленной. Даже если интересующее нас высказывание является полным и его содержание не зависит от контекстной ситуации, остается решить является ли данное высказывание осмысленным. Для этого, как минимум необходимо удостовериться в возможности адекватного перевода и интерпретации данного предложения. Как выяснилось, для каждого высказывания не существует хоть сколько-нибудь универсального правила, согласно которому та или иная языковая экспозиция могла бы быть приведена к структуре суждения. Даже если предположить, что интересующее нас высказывание является переводимым, нельзя быть уверен-

ным в том, что интерпретация данного высказывания будет адекватна действительному логическому замыслу (при наличии такового). Возникает противоречивая ситуация, получается, что реальные высказывания всегда остаются бессмысленным и осмысленным одновременно. В таком случае суждения могут существовать только в контексте конкретных актов мышления, т.е. в контексте реально-психологических условий реализации логического замысла.

В целом, отсутствие ясной дефиниции понятия суждения создает серьезную проблему для разграничения объема понятий логики и психологии. С позиции антипсихологизма граница между идеальным и реальным в познании означает, что мы должны говорить о суждении в строго логическом смысле как об идеальном способе бытия всякого возможного высказывания. Психологизм, наоборот, настаивает на индуктивной законосообразности в определении суждения, следующей от действительной формы высказывания к структуре логического замысла. Если мы беремся определить суждение чисто аналитически, через закон непротиворечия, то мы должны иметь в виду, что положение данного принципа само по себе есть суждение, а вернее суждение о [всех возможных] суждениях. Но если согласиться с тем, что никакое суждение не существует вне контекста реально-психологических условий реализации логического замысла, то сам принцип, запрещающий выносить противоречивые суждения, становится неопределенным высказыванием, смысл которого не указывает ни на что, кроме как на известную вероятность, что в той или иной ситуации положение самого принципа непротиворечия может иметь какой-то смысл.

Итоги параграфа. Можно сказать, что вопрос о разграничении понятийных областей логики и психологии в дискуссии психологизма и антипсихологизма требует либо дополнительного исследования, либо вообще не может быть решен в рамках спора о психологизме.

1. Было показано, что проблема разграничения понятий и высказываний логики и психологии с определенным успехом решается на уровне различий между теоретическим и феноменальным единством познания.

2. Вместе с тем, когда речь заходит о разграничении логико-теоретических и логико-методологических (психологических) условий познания, вопрос об автономности логико-теоретических положений решается в сторону их зависимости от предметного содержания познания. Другими словами, смысл логико-теоретических истин раскрывается только при участии в их интерпретации психологических мотивов.

3. В частности, подтверждением тому служит наш анализ понятия суждения, который показывает что:

– структура суждения не может считаться универсальной конституцией для всякого рода реальных высказываний;

– даже с учетом полноты кажущейся осмысленности и фактической переводимости того или иного реального высказывания, нельзя с уверенностью полагать, что декларируемая в высказывании структура суждения будет соответствовать действительному положению дел;

– всякое реальное высказывание, будучи бессмысленным, в любой другой ситуации может оказаться осмысленным. Иначе говоря, бессмысленные высказывания являются вероятно осмысленными;

– пример с туземцами бороро свидетельствует в пользу того, что даже осмысленные и переводимые высказывания могут быть не интерпретируемы с позиции логики понятий, но объяснимы с позиции мышления в комплексах.

4. Применительно к толкованию логико-теоретических положений указанные выше аспекты служат подтверждением правоты утверждаемых психологизмом тезисов.

Заключение

На протяжении большей части XX века философы самых разных школ и направлений сходились во мнении, что натурализм неприемлем для философии. Одним из центральных эпизодов, предпосылающих к утверждению данной точки зрения, как раз и стал развернувшийся в период конца XIX начала XX века «спор о психологизме», в результате которого идее о методологическом синтезе естествознания и философии было отказано. Долгое время критические аргументы против психологизма, представленные в работах Г. Фреге и Э. Гуссерля, рассматривались философами и логиками как решающее слово в противостоянии натурализма и антинатурализма. Однако уже к концу XX века все больше философов, в том числе представители мейнстрима аналитической и континентальной философии, а также некоторые когнитивисты, нейрочеловековеды и нейрофилософы начинают обращать внимание на ограниченные возможности антинатурализма. Данную тенденцию в своем известном докладе на Венском философском конгрессе отметил уже У. Куайн, иронично подчеркнув: «В прежние антипсихологистские времена...».¹¹⁹ Наше исследование показывает, что вопрос о соотношении логики и мышления в дискуссии психологизма и антипсихологизма является непростым вопросом, ответ на который вряд ли может быть однозначным. По крайней мере, следствия из данного спора явно не могут быть сведены к простому противопоставлению натурализма и антинатурализма.

По результатам проделанной работы можно сказать что задачи, поставленные перед исследованием, достигнуты. Анализ имеющейся литературы позволил составить ясное представление о ключевых моментах становления спора о психологизме.

1. Выяснилось, что потребность в психологизме в философии XIX века может быть объяснена мотивом пересмотра спекулятивно-идеалистической философии.

---

¹¹⁹ Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 168.

фии. Кризис метафизических философских доктрин происходил на фоне расцвета неклассических научных воззрений, где за биологией, социологией и психологией признается статус естественнонаучных дисциплин. Курс на позитивную науку в отрыве от метафизики позволил предположить, что изучение человека и общества может обойтись и без философской оценки. Таким образом, психологизм становится одной из самых влиятельных постметафизических доктрин в философии XIX века.

2. Идея о том, что эмпирической психологии следует заменить прежнюю метафизику, натолкнулась на критическое возражение, утверждающее, что индуктивные положения психологии, конечно, могут составить известную пользу для теории познания, но в силу вероятностности индуктивных принципов, их нельзя считать достоверными и общезначимыми, каковыми являются положения логики. Конфронтация позиций логического редукционизма и психологического индуктивизма в эпистемологии привела к становлению доктрины логического психологизма, которая с теми же возражениями критиковалась уже в ключе концепции антипсихологизма.

В свою очередь, формальный анализ тезисов психологизма и антипсихологизма в настоящем исследовании показал, что оба подхода являются неприемлемыми для подтверждения связи логико-теоретических и логико-психологических аспектов познания.

3. Принятие логического психологизма приводит к противоречию самоотрицания теории, сводя всякое познание до скептицизма и релятивизма; антипсихологизм приводит к парадоксу самообоснования теории, замыкая процедуру подтверждения достоверности логико-теоретических принципов кругом бесконечного имплицитивно регресса.

4. Возможное решение проблемы психологизма может быть найдено за границами чисто логического и чисто психологического подходов к вопросу о соотношении логики и мышления, в области методологических принципов логического правилоприменения и логико-семантических аспектов мышления.

Итоги настоящего исследования говорят в пользу того, что вопрос о соотношении логики и мышления в дискуссии психологизма и антипсихологизма содержит в себе еще много спорных аспектов, лишь частично затронутых в нашей работе. Результаты данного исследования могут служить основой для дальнейшей разработки проблемы психологизма в логике.

Список литературы

1. Антух Г. Г. К вопросу о психологизме: проблема логического правило-применения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 4 (32). – С. 151–158.
2. Антух Г. Г. Происхождение противоречий в суждениях и высказываниях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 2 (34). – С. 137–146.
3. Антух Г. Г. Психологизм в преддверии Гуссерля // Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 15 марта 2016 г. – Пермь, 2016. – С. 102–107.
4. Антух Г. Г. Философия очевидности в чистой логике Э. Гуссерля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 217–224.
5. Аристотель. Метафизика. / Пер. А. В. Кубицкого. М.- Л.: Соцэкгиз, 1934. 348 с.
6. Баскаков А. Я., Туленков Н.В. Методология научного исследования: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. - К.: МАУП, 2004. 216 с.
7. Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, РФО, 1996. 176 с.
8. Брюшинкин В. Н. Логика, мышление, информация. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 152 с.
9. Брюшинкин В. Н. Метапсихологизм Канта // Кантовский сборник. Вып. 24. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 65–73.
10. Борисов Е. В., Ладов В. А., Суровцев В. А. Язык, Сознание, Мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 156 с.

11. Виндельбанд В. История новой философии / Истoрiя новой философiи. – СПб.: Типография В.Безобразова, 1906. 512 с.
12. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. 612 с.
13. Вундт В. Введение в философию / Введенiе в философiю.– СПб., 1903. С. 12–65.
14. Вундт В. Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 3–6.
15. Выготский Л. В. Мышление и Речь. – М., 1999. 352 с.
16. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т.1.-М.: Мысль, 1972. 668 с.
17. Грязнов А. Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. – М.: Изд-во: ЛИБРОКОМ, 2009. 146 с.
18. Гудвин Дж. Способы познания // Исследование в психологии: методы и планирование. – СПб.: Питер, 2004. 558 с.
19. Гуссерль Э. Логические Исследования. Т. I: Прoлегомены к чистой логике. / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова.- М.: Академический проект, 2011. 253 с.
20. Декарт Р. Рассуждение о методе. – СПб., 2000. 335 с.
21. Делез Ж. Логика смысла; Фуко М. *Theatrum philosophorum*. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
22. Дружини В.Н. Экспериментальная психология. – СПб: Издательство «Питер», 2000. 320 с.
23. Зигварт Х. Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе. / Пер. с нем. И. А. Давыдова. – М.: Территория будущего, 2008. 464 с.
24. Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983. 165 с.
25. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. 591 с.
26. Кант И. Трактаты и письма / под ред. А.В. Гулыги. М.: Наука, 1980. 712 с.

27. Клайн М. Математика. Утрата определённости. – М: Мир, 1984. 447 с.
28. Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1899. С. 72–185.
29. Корнилова Т.В. Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2007. 320 с.
30. Куренной В. А. Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Философско-литературный журнал "Логос". 2006. № 1 (52). С. 89–102.
31. Куренной В. А. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос, № 5, 2010, С. 166–182.
32. Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. – 2002. – № 5 – 6 (35). С. 104–134.
33. Ладов В. А. Формальный реализм. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 132 с.
34. Ладов В. А. Аналитическая философия и феноменология // Логос. Философско-литературный журнал. – 2001. – № 4. – С. 7–20.
35. Ладов В. А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.
36. Ладов В. А., Эннс И.А. Аналитическое определение числа, парадокс Рассела и теория типов // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2(18). – С. 13–20.
37. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
38. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с.
39. Лемешевский К.В. Психологизм в логических учениях концинистов: Христоф Зигварт, Вильгельм Вундт и Теодор Липпс // РАЦИО.ru. 2013. № 9. С. 160–178.
40. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
41. Липпс Т. Основы логики. Пер. с нем.: Н. О. Лосский. – СПб., 1902. 312 с.

42. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 226 с.
43. Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. – М.-СПб., 2012. 256 с.
44. Лурия А. Р. О естественнонаучных основах психологии // Естественнонаучные основы психологии / Под. ред. А.А. Смирнова, А.Р. Лурия, В.Д. Небылицына. М.: Педагогика, 1978. С. 7–23.
45. Мах Э. Познание и заблуждение. – М.: Изд-во С. Скирмунта, 1909. 467 с.
46. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. / Предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.
47. Моханти Дж. Н. Понятие «психологизм» у Гуссерля и Фреге // Логос. – 2007. – №6 (63). – С. 128–147.
48. Нарский И.С. Кант. М.: Мысль, 1976. 207 с.
49. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
50. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // Вопросы философии. 1966. №12. С.57–75.
51. Рассел Б. История западной философии. – М.: Миф, 1993. 512 с.
52. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев.– Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
53. Сеченов И. М. Кому и как разрабатывать психологию? // Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001.С. 118–367.
54. Смирнова Е. Д. Психологизм и вопросы обоснования логического знания // Логическое кантоведение-4: Труды международного семинара / Калинингр. ун-т. Калининград, 1998. С. 45–59.
55. Соломоник А. Б. Язык как знаковая система. – М., 1992. 223 с.

56. Сорина Г. В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2013. – Т. 3, № 2. – С. 1–109. – URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom1Vip2/rubr2-teorii-konsercii-paradigmy-st1-sorina-2013-%281%29.pdf> (дата обращения: 07.09.2015).
57. Сорина Г. В. Проект «психологизм-антипсихологизм» в метатеоретическом контексте (Памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина) // Рацио.ru. – 2012. – № 8. – С. 20–45.
58. Сорокина Т. С. История медицины. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. 560 с.
59. Спенсер Г. Синтетическая философия (в сокращенном изложении Г. Коллинза). – К.: Ника-Центр, 1997. 512 с.
60. Степин В. С. История и философия науки.– М.: Академический Проект, Трикста, 2011. 423 с.
61. Степин В. С. Становление научной теории: Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 319 с.
62. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция. 2005. 390 с.
63. Твардовский К. Автобиография // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 63–74.
64. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
65. Улановский А. М. Проекты описательных психологий и описательные исследования в психологии // В кн.: Перспективные направления психологической науки / Отв. ред.: А. К. Болотова; науч. ред.: В. П. Зинченко, А. Н. Поддьяков, В. Д. Шадриков. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 187–202.
66. Уотсон Дж. Б. Психология как наука о поведении. – М., 1998. 476 с.
67. Успенский В. А. Теорема Геделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110.с

68. Фёдоров А. А. Эволюция единиц анализа поведения в бихевиоризме: Уотсон, Кантор, Скиннер / А. А. Федоров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2010. – Т. 4. - № 1. С. 19–27.
69. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. 544 с.
70. Философия социальных и гуманитарных наук: учебное пособие для вузов / под общ. ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2006. 731 с.
71. Франк Ф. Философия науки: Связь между наукой и философией. М.: Иностранная литература, 1960. 545 с.
72. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987. 12–45.
73. Фреге Г. Основоположения арифметики. – Томск: Водолей, 2000. 128 с.
74. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. – СПб.: Питер, 2001. 607 с.
75. Чуприкова Н.И. Методы и методология психологической науки // Методология и история психологии. 2007. Том 2. Выпуск 1. С. 51–60.
76. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М.: ГАХН, 1927. 214 с.
77. Штумпф К. Психология и теория познания // Логос. –2005. – №2 (47). – С. 117-155.
78. Ярошевский М. Г. История психологии от античности до середины XX В. Учеб. пособие. – М., 1996. 416 с.
79. Beneke F. E. Erfahrungsseelenlehre als Grundlage alles Wissens. Berlin, 1820. S. 5–129.
80. Beneke F. Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. - (2nd ed.), Berlin: E. S. Mittler, 1845. S. 205–230.
81. Boole G. An investigation of the laws of thought, on which are founded the mathematical theories of logic and probabilities. London-Cambridge: Macmillan, 1854. P. 167–169.
82. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. O. Kraus (ed.) – Hamburg: F. Mainer, 1924. S. 34–55.

83. Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Bd. 1. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1883.
84. Francis J. P., Elio R., Hanson P. Is Logic all in our Heads? From Naturalism to Psychologism // *Studia Logica*. 2008 – № 86. – P.1–65.
85. Frege F. Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl. Breslau: W. Koebner, 1884.
86. Frege G. *Philosophical and Mathematical Correspondence*. Oxford: Basil Blackwell, 1980. P. 130.
87. Fries J. F. *Neue Kritik der Vernunft*. Bd. 1. – Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1807.
88. Godden D. M. Psychologism in the Logic of John Stuart Mill: Mill on the Subject Matter and Foundations of Ratiocinative Logic // *Journal of the History and Philosophy of Logic*.– 2005. – № 26. – P. 115–143.
89. Haack S. *Philosophy of Logics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
90. Hanna R. Husserl's Arguments against Logical Psychologism (Prolegomena, §§17-61), in V. Mayer (ed.), *Logische Untersuchungen*. – Berlin: Akademie Verlag, 2008. P. 27–42.
91. Herbart J. F. *Psychologie als Wissenschaft: nen gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik*. Königsberg, 1824.
92. Husserl E. *The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. An introd. to phenomenological philosophy*. Northwestern university press, 1970. 405 pp.
93. Jacquette D. Psychologism, the Philosophical Shibboleth // *Philosophy and Rhetoric*. 1997. – № 30. – P. 312–31.
94. Kusch M. *Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*. London / New York: Routledge, 1995. 326 pp.
95. Lange F. A. *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart*. – Iserlohn: K. Baedeker, 1866. S. 134.

96. Lotze H. Grundzüge der Metaphysik. Diktate aus den Vorlesungen. 2. Aufl. Leipzig, 1887. S. 137.
97. Mill J. S. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy. – London and Toronto: Routledge and University of Toronto Press. 1979. P. 359.
98. Mohanty J. N., Findlay J.N. Husserl and Frege. Idealistic studies. Worchester. 1984. – Vol. 14. – N 3. – Bloomington; Indiana University Press, 1982.
99. Notturmo M. A. Frege and the psychological reality thesis. J. for the theory of social Behaviour. Oxford, 1982. – Vol. 12. – № 3. P. 37–46.
100. Popper K. R. Objective Knowledge: An evolutionary approach. O ford: Clarendon Press, 1972. P. 198–255.
101. Popper K.R. The Logic of Scientific discovery. N.Y.: Basic books, 1959.
102. Rath M. Psychologismustreit in der deutschen Philosophie. Freiburg (Bresgau) / München: Alber, 1994. S. 58.
103. Richards J. Boole and mill: differing perspectives on logical psychologism // History and Philosophy of Logic. – 1980. – № 1. – P. 19–36.
104. Skorupski J. Mill on Language and Logic. Cambridge University Press, 1998. – P. 35–56.
105. Wundt W. Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 1. Erkenntnisslehre. – Stuttgart, 1893. S. 20–25.